

Роман Сабио

*Хранитель
Врат Нави*

Покаяния

Роман Сабио

Хранитель Врат Нави. Покаяния

«Издательские решения»

Сабио Р.

Хранитель Врат Нави. Покаяния / Р. Сабियो — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747901-5

Экспедиция «черных археологов» отправляется на поиски древних артефактов. Но, как оказалось, о сокровищах известно не только им. Да еще и древнее Зло пробудилось из мира Нави. Колдуны, наемники и обыкновенные бандиты, интриги, кровь и смерть — все закрутилось вокруг ничего не подозревающих искателей сокровищ. Магия против современных технологий, древнее воинское искусство против новейшего оружия. Кто из героев сможет выйти живым из жестокой битвы?

ISBN 978-5-44-747901-5

© Сабियो Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	45
Глава 10	51
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Хранитель Врат Нави Покаяния Роман Сабио

© Роман Сабио, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Молчаливая ночь нависла над затерявшейся среди нагромождения черных валунов небольшим туристическим лагерем. Крупная, круглая луна загадочно мерцала в разрывах туч. Вылетевшие из своих укрытий в темных нехоженных пещерах летучие мыши, казалось, были готовы сесть на голову. То тут, то там из густой тени слышался треск и сопение спешащего по своим неотложным ночным делам дикого зверья. Остывающая земля гудела и вздрагивала: столько сил бушевало в ней, столько жизнью загоралось и гасло во мраке.

У небольшого костерка молча сидели две фигуры, напряженно вслушиваясь в таинственные звуки ночи. Необъяснимый страх холодил душу.

– Слушай, Толич, – зябко передернул плечами сухой, поджарый парень в старой прожженной штормовке с выцветшей нашивкой КСП, – жутковато тут. Такое ощущение, будто на тебя из темноты все время таращится кто-то, наблюдает, как за добычей.

Парень поковырял палкой в лениво тлеющих углях, подняв сноп багровых искр, и продолжил, – Это не первая наша экспедиция, но чтобы вот так тревожно на душе было, – это впервые. Причем, если б только у меня, а то даже Крот нервничает. Вон, погляди, как плотно палатки установили, и как стемнеет, сразу по норам. Когда такое было?

– Да, – протянул второй, – места здесь заповедные, мистические. Аномальная зона.

– Да ладно, это не первая наша аномальная зона. Мы с тобой уже лет десять по ним шастаем, но так как тут, я себя первый раз ощущаю.

– Ну, это не совсем обычная зона. Эти места издревле проклятой землей называли. До последнего времени местные этими горами детей пугали, мол Кощей с горы спустится и заберет. Но с этими местами не только сказки, но и реальные истории связаны. Так, в Гражданскую тут целый отряд красноармейцев во главе с большой шишкой из Коминтерна пропал. Потом искали, но никого не нашли, но ходить сюда запретили. В Великую Отечественную здесь партизанский отряд был. Его немцы заперли, в пещеры загнали и методично долбили. Карательный отряд выслали. Специальный. Операцией руководил ближайший помощник самого Вольфрама Зиверса – генерального секретаря пресловутого Аненербе, что в переводе значит «Наследие предков», одной из самых загадочных организаций нацистской Германии. Они тут чего-то рыли. Натащили оборудования. Его остатки мы видели у водопада и у входа в пещеру. Что они там нарыли, да и вообще, что там произошло, никто толком не знает. СССР оцепили все, никого не пускали. В архивах никакой информации нет, но местные ветераны говорили, что у немцев все пошло криво. Их главный из Аненербе сгинул в пещерах вместе со всем отрядом. Фрицы были вынуждены бросить свое оборудование и взорвать все, потом газ пустили. Или сначала газ, потом взорвали, не суть. Только сбежали они отсюда, это факт. Больше в эти места ни ногой.

– Слышал я эту историю, Паук рассказывал. Да еще подвывал так таинственно. Он вообще мастер страху замогильного нагнать. Про приведений всяких, душ неуспокоенных и прочую экстрасенсорную муть. Я думаю, проще все было. Партизаны в пещеры отступили. Выкурить их оттуда не смогли. Побомбили сверху, не получилось. Посланный отряд был разбит. Тогда они пустили газ и взорвали все входы. Местность оцепили, а своим ходить сюда запретили, чтобы не отравиться. А все рассказы про приведений лишь детские страшилки и журналистские «сенсации».

– Все может быть, – согласился собеседник, – а Паук рассказывал, что по славянским преданиям тут место битвы волхвов было. Якобы самого Кощея волхвы прижали, и сильнейшие колдуны сошлись не на жизнь, а на смерть. Говорят, их души до сих пор сшибаются в смертельной схватке, и что иногда, в тихую ночь из пещер доносится звон оружия и предсмертные крики.

– Что-то я ничего не слышу, хотя уже неделя прошла, как мы тут торчим – излишне громко и саркастично произнес парень в штормовке и нервно поежился.

– А я и не утверждал, что они каждый день ристалище устраивают. Я сказал «говорят, что иногда слышно». Да ты не бойся, у меня оберег специальный есть. Мне его знакомый монах дал.

– Вот еще, сказок бояться. Я их еще в детстве наслушался. И про Кашея, кстати, далеко не самые страшные. У всяких там братьев Grimm пострашнее будет. Тем более, что есть мнение, что Кашей – собирательный образ из разных реальных исторических личностей. Одним из них был готский царь Германарих. Он как раз тут неподалеку ошивался. Жил он более 110 лет, что с учетом средней продолжительности жизни той поры приравнялось к бессмертию. А как иначе?! Правнуки раньше его померли. Так наследство и не получили. Германарих постоянно воевал с Русью. Не всегда успешно, но активно. Набеги, погромы, рабство... Словом, не за что нашим предкам его любить было. От того и страшилки про него придумывали. Историки говорят, что был он худ, жилист и силен неимоверно. Скуп и жаден был до крайности. Характер неуравновешенный. Чуть что не так, сразу на кол. Опять же до баб большой охотник. Таскал, где только мог. Из-за бабы в итоге и склеил лапы. Спер девку у какого-то там князя и в бега. Братя в погоню. В стычке был ранен стрелой в ногу. Умер через полгода. И это в возрасте более 110 лет! Мне бы такое здоровье! Так что все сходится. И никакой мистики.

– Воистину история – великая наука. Под любые легенды основание найти можно!

– А никто и не говорит о точном сходстве! Кашей – составной образ. Еще одним его прототипом был Святой Касьян. Довольно мерзкая личность, надо признаться. Злой, завистливый, жестокий, подлый, алчный до трясушки. Но церковь присвоила почетное звание святого за большой вклад в дело порабощения славян и борьбу с язычеством.

– Да, историки в лепешку расшибутся, любые параллели найдут, но не скажут, что Кашей – сын Чернобога и Мары. Мы свою мифологию совсем не знаем. Греческую и то лучше. Потому его наши сказочники его с Аидом и сравнивают. Ну, еще с Ахилесом иногда.

– А при чем тут Ахилес?

– Ну как же. Тот тоже бессмертный. Его мама в Стикс опустила, и он пуленепробиваемый стал. Весь, кроме пятки, за которую она держала.

– Да... Тогда у Кашея мама не такая гуманная была...

– Тихо. Слышишь?

Со стороны дальнего входа в пещеру послышался шум падения камней.

– Может из наших кто не утерпел?

– Из наших только Паук может. Он сегодня весь день странный был. Но он давно в палатке. Ее отсюда видно. Никто не выходил.

Не сговариваясь, оба парня резко встали, схватили фонари и быстро зашагали в сторону палаток.

– Да все в порядке, вроде.– произнес один из них, заглянув внутрь, – спальники на месте. Не пустые. Хотя...

Он протиснулся в палатку и толкнул спальник у дальне стенки.

– Блин! Муляж! Ушел, гад. Сам. Я знаю куда. Поднимай лагерь. Берем спаснарягу, и за мной. На сбор десять минут.

Глава 2

Николай Вениаминович Пауков, в просторечье Паук, аспирант МГПИ, археолог по образованию, разгильдяй, бунтарь и неряха. Обычный прожигатель жизни и родительских капиталов. Ни целей, ни принципов, ни жизненных ориентиров. Сплошная демагогия, непрекращающаяся борьба за личную свободу за чужой, естественно, счет. Ну и нигилизм, как способ избежать от ответственности. Словом, обычный российский студент с огромным самомнением и непоколебимой верой в свою уникальность и, как следствие, постоянным чувством непонятости и недооценности. При всем том Николай обладал весьма светлой головой, умел мыслить образно, нестандартно, принимать не банальные, неожиданные решения. Однако, в реальности это доставляло ему больше проблем нежели приносило дивидендов. Его манера делать все оригинально, во всем искать новые пути, от способов завязывания шнурков до оптимальных вариантов вскрытия консервов часто приводило к печальным последствиям. Пытливый ум, тяга к смелым экспериментам в сочетании с плохо координированной жестикуляцией, резкими дергаными движениями являлись причиной многочисленных разрушений и скандалов во многих помещениях, куда он был по неосторожности приглашен. Стоило его пустить в дом, и он обязательно что-нибудь разобьет, разольет, обо что-то споткнется... Причем чем жестче и дольше он старался себя контролировать, тем разрушительнее были последствия. Естественно обладателю столь «незаменимых», «уникальных» качеств довольно сложно найти себя в реальном мире. Компенсируя недостаток понимания, Николай уверенно и с головой погрузился в виртуальное пространство, где, собственно, и жил под грозным именем Паук, без сожалений заменив реальный мир на цифровой, где нет места обычным людям с их примитивным сознанием. Увы, несовершенная человеческая физиология вынуждала время от времени выныривать из глубин виртуального пространства и выбираться на жестокий берег объективной реальности. Дабы хоть как то смягчить удар об Родину, Николай стал принимать наркотики. Его судьба медленно, но неуклонно катилась по наклонной. Довольно быстро процесс самоубийства набрал обороты, и поезд жизни неумолимо полетел под откос, постоянно набирая скорость. И тут на его пути возник Бригадир. Он вытащил Паука из смертельных объятий этого болота. Встряхнул. Заставил увидеть новые горизонты. Первый раз он взял с собой Паука из жалости. Почти силой вырвал парня из привычного омуты жизни и увел в горы.

В коллектив Паук входил сложно. Казалось, он генетически не способен работать в команде. Наряжался как клоун, т.е. в полном соответствии со своим представлением о туризме и о быте «искателя сокровищ». На любую одежду он обязательно напяливал идиотскую жилетку с тысячей карманов, в которых находилось миллион ненужных вещей. Не было ни одного случая, когда бы находящийся в супержилетке мусор пригодился в экстренной, да что там в экстренной, просто сложной ситуации. Даже если Паук твердо знал, что искомый предмет точно находится в одном из карманов, он никогда не мог его вовремя найти. Процесс поиска проходил примерно так: Паук вываливал все из первого попавшегося кармана прямо под ноги, на землю, на траву, в палатку, это не имело значения. Ему было все равно куда. Потом он начинал в этом самозабвенно копать, радуясь случайным находкам. Потом печально вздыхал, с огорчением констатировал, что искомого предмета тут нет, и вываливал содержимое следующего кармана. Николай всегда жил в отдельной палатке, обычно разбитой в дальнем конце лагеря. Паук был крайне неряшлив, имел скверные привычки и абсолютно не заботился о чистоте и комфорте окружающих. Он громко рыгал за общим столом, от души чихал, не прикрываясь, редко мылся, а потому и пах соответственно, мог без задней мысли повесить сушиться свои носки прямо над общим котлом и искренне не понимал, за что его бьют.

Однако, при всем при всем том он был по-детски простодушен, чист, открыт и наивен. Коля постоянно становился жертвой розыгрыша, иногда довольно небезобидного, насмешек. Но он никогда не обижался всерьез, а наоборот, смеялся вместе со всеми чистым, залившимся смехом. Он знал массу чудеснейших историй и легенд о разбойниках, королях и принцессах, а главное о сокровищах. Все эти истории он охотно рассказывал подчас непонятным, но всегда красочным языком, с сочными, диковинными словечками. Рассказ обычно сопровождался яркой пантомимой (у Паука была довольно богатая мимика) или целым представлением, когда рассказчик пытался показать все действие в лицах. Получалось весьма забавно.

В конце концов ребята его полюбили, приняли со всеми недостатками, чудачествами и многочисленными тараканами в голове. А ворчливый и вечно недовольный Боцман – друг и правая рука Бригадира к всеобщему удивлению взял Паука по свою защиту.

Так что к концу первой экспедиции все более или менее устаканилось. Не без эксцессов, конечно. Так, когда возвращались из похода, денег оставалось в обрез. Настроение было ужасное. Вымотались. Тогда чтобы хоть как-то поднять боевой дух, решили устроить себе праздник. Пронырливый Пиксель наизнанку вывернулся, но достал дешевый, но приличный самогон. Так вот, в разгар веселья поднялся Паук и произнес тост. «Предлагаю», говорит, «поднять тост за Пикселя, который напоил нас дешевым самогом». Занавес. Пиксель тогда чуть не убил Паука. Боцман спас. Потом Пиксель понял, что не со зла он. Не хотел обидеть. Просто со словами поэкспериментировал. Употребил, так сказать, в нестандартном значении. Пиксель, пусть и не сразу, но это понял и простил, и согласился взять Паука в следующий поход, в подготовке которого Паук принял самое непосредственное участие. Чтобы пойти с ребятами Николаем продал телевизор, аудиосистему и завязал с наркотиками. Такой порыв отвергнуть было нельзя. С тех пор все и закрутилось.

Третья экспедиция уже с самого начала разрабатывалась при самом активном участии Паука. Известно, что 80 процентов успеха у «охотников за сокровищами» зависит не от работы с лопатой в поле, а от работы за компьютером в разнообразных архивах. Вот тут Паук оказался незаменим. Из мира виртуального он переместился в реальный, пусть и закаменевший в прошлом, а значит мертвый, но все-таки... Словом, Паук увлекся историей и с упоением начал рыться в старых документах. Штудировал летописи, личные письма, собирал загадочные истории разной степени достоверности, слухи, случайные свидетельства. Из всей этой около исторической мути он умудрялся вылавливать жемчужины информации и, следуя какой-то только ему ведомой логике, сплести их в единый орнамент. Уже в третьей экспедиции, благодаря Пауку удалось найти целый клад. Как он тогда радовался, каким неподдельным счастьем светились его глаза. И не деньги были тому причиной. Важен был сам факт находки как подтверждение его правоты, реализация его идеи, мыслей, как веское основание для признания его полноправным и ценным членом общества.

Потом были новые экспедиции, новые победы, разочарования, новые находки и потери. Проходя через эти испытания, Николай постепенно стал человеком. Он повзрослел, заматерел, стал финансово независим. У него появилась уверенность в собственных силах. У Паука появились друзья. Даже девушки, которые раньше бежали от него как черт от ладана, всячески издевались и высмеивали, теперь стали проявлять к нему интерес. Из чудаковатого, неуклюжего растяпы и неудачника он превратился в интересного молодого человека, не лишённого странностей, но от того не менее привлекательного.

Постепенно Николай и сам поверил в свою исключительность и незаменимость. Его больше не устраивал его статус в коллективе. Он хотел уважения и почитания, а к нему продолжали относиться как к чудаковатому младшему брату. Открыто бунтовать Паук не решался, но что-то надо было менять.

Эта экспедиция была разработана Пауком от начала и до конца. Бригадир, безусловно, нашел деньги, достал оборудование, договорился с властями, обеспечил «крышу» и прочее,

но главное – идея – целиком и полностью принадлежала Пауку. Ну, если быть до конца откровенным, то на мысль его натолкнул и немного помог с материалами один его приятель, с которым он общался пока только по Сети, но это детали, и о них знать никому не обязательно. К великому разочарованию Паука, его работа не была оценена по достоинству. Его, конечно, взяли, похлопали по плечу, похвалили и... продолжили подкалывать, разыгрывать и издеваться. А все лавры опять достались Бригадиру. Это не справедливо! Они ничего не понимают! Ни один из них не сумел прочесть знаки у входа. Никто не нашел пещеру. А он нашел! Сам! Теперь он всем покажет!

И вот сейчас Паук осторожно пробирался вглубь пещеры, внимательно разглядывая в свете карманного фонаря неровные каменные своды. Еще утром он обнаружил на них старые полустертые символы. Он заметил знаки Велеса, Нави, Мары и целый ряд незнакомых ему рун. Что они означают, Паук не понимал, но догадывался, что начерчены они не просто так. Тут прослеживается четкая, хотя еще не доступная его разумению система. Утром он сделал несколько зарисовок и весь день ломал голову, что они означают. В итоге пришел к выводу, что там должен быть боковой лаз. В одном месте свод обрушен. Причем, обрушен искусственно и очень качественно. Со стороны очень трудно заметить, что там вообще что-то есть, но знаки. Много осторожных знаков и все они направлены на одну стену, будто их ставили, чтобы уберечь людей от прорыва из мира Нави. Причем Навь должна была пробиваться через заваленную стену. Там определенно что-то есть. Утром он заметил маленький лаз. Тогда он не стал его тщательно обследовать. Беда в том, что Бригадир его тоже заметил. Но лаз был настолько узким, что толстая задница Бригадира в него не пролезла, а Паук полез. Боялся жутко, но полез. И не зря! Метров через двадцать в грязном узком шкуродере он обнаружил нож. Нет не нож, а Нож! Старинный клинок из темного металла. Длинное узкое лезвие хищно изогнуто и сплошь покрыто рунным узором, зловеще переливающимся в свете налобного светильника. На изящной рукояти, выделанной серебром, тускло блеснул набалдашник из темного отполированного камня. Паук никогда не любил оружие, но от этого кинжала он не мог оторвать зачарованный взгляд. Сколько ему лет? Пятьдесят? Сто? А, может, пятьсот? Странно, несмотря на долгие, очень долгие годы забвения, Нож сохранил остроту заточки. Одно неосторожное движение, и черная сталь пропорола плотную перчатку и довольно глубоко впилась в ладонь. Но Паук не заметил боли. Он испытывал необъяснимое наслаждение и какой-то щенячий восторг от обладания старинным артефактом. Вместе с тем он смог напрочь волю и подавить желание немедленно забрать кинжал. Это было невозможно, поскольку Бригадир обязательно это заметит и отнимет его законную добычу. Скрепя сердце, Паук спрятал Нож в углублении в стене, завалил обломками камней и пополз обратно. Выбравшись из шкуродера, Паук заявил, что лаз заканчивается тупиком. Завал. Пролететь невозможно. И предложил внимательно обследовать прилегающую стену. Даже обосновал свое предложение расшифровкой рунных символов, выбитых на сводах пещеры. Такую теорию толкнул, самому понравилась! Сам же с нетерпением ждал вечера, чтобы самому незаметно проникнуть в пещеру и забрать клинок. Вечером рано пошел спать. Залез в спальник и долго притворялся спящим. Потом аккуратно и очень медленно вскрыл заднюю стенку, подготовил муляж в спальнике и, улучив момент, выскользнул из палатки. Несколько долгих мучительных минут провел, скорчившись за ближайшим камнем, внимательно вслушиваясь в тишину и выжидая момент для незаметного отхода. Затем тихо крался обходной тропой к заветной пещере, высоко поднимая ноги, тщательно выбирая место для каждого нового шага. Лишь однажды он оступился, перед самым входом. Казавшийся незыблемым камень вдруг зашатался и предательски выпрыгнул, покотившись по склону. «Подумают, что зверье шастает», успокоил себя Паук и шмыгнул в пещеру. Дальше пошло легче. Заработал налобный фонарь, и вот он уже уверенно шагает знакомым маршрутом, внимательно вглядываясь в стены, чтобы не пропустить нужные ориентиры. Странно, но старые, полустертые, зачастую, едва различимые днем знаки, непонятным образом сохранившиеся на камен-

ных сводах, ночью выглядели совершенно иначе. Причудливые тени завертели вокруг них свой хоровод. Символы стали четче, рельефней, объемней. Казалось, что они жадно впитывали свет от фонаря, наполняясь силой, обретая форму и цвет. Паука пробил озноб. Липкая волна страха предательски прокатилась по спине. Захотелось бежать отсюда. Бежать, сломя голову. Но Нож звал. До него осталось всего ничего, рукой подать. Вот уже виден вход в заветный шкуродер, а там, совсем рядом со входом, в тайнике за камнем его ждет Нож, его Нож. Паук тряхнул головой, как-бы отгоняя страх, собрал остатки воли и полез в знакомый лаз. Ох и тяжело дались ему эти метры! Не пускала скала в свое нутро. Острые камни цепляли за штормовку, холодная грязь сама прыгала за шиворот, заливала глаза. Душу сковывал иррациональный необъяснимый ужас. Сердце бухало с такой силой, что казалось, что вот-вот выскочит из хлипкого тела где-то в районе пятки и самостоятельно поскачет домой. Тяжелые каменные плиты давили на плечи. За ноги хватили холодные скользкие руки. Из стен буквально тарасились безжалостные змеиные глаза. Но отступить было поздно. Назад ползти еще страшнее. Паук сделал еще одно усилие и вскоре достиг заветного тайника. Дрожащими руками он вытащил Нож и поднес к глазам. Рунные знаки на хищном лезвии причудливо переливались. Темный камень на рукояти загадочно мерцал. Он как бы светился изнутри тусклым матовым светом. Паук снял перчатку и потер камень. Тот оказался странно теплым. По лезвию пробежали голубые искры. Паук услышал странный шепот. Тихий, неразборчивый. Камень засветился ярче. Парень тряхнул головой, прогоняя наваждение. Шепот прекратился. Одновременно ушел страх. Его место заняла уверенность в собственных силах и желание идти вперед. Паук спрятал Нож в карман штанов и двинулся вперед. Метров через десять лаз расширился и вскоре перерос в широкий коридор, уходящий вниз и в сторону. На стенах также были отчетливо видны знаки и руны, которые были не просто нарисованы или выбиты на камнях, а как бы выжжены или вытравлены чем-то. В некоторых местах были заметны следы оплавления породы. В душе снова шевельнулся страх. Мелькнула мысль, что дело сделано и пора возвращаться. Он уже развернулся и сделал пару шагов назад, но вдруг заметил странные черты, как будто указывающие путь. Он готов был поклясться, что минуту назад их тут не было. Повинуясь любопытству, Паук прошел по указателям к дальней незаметной стене коридора. И вдруг, плита под ногой зашаталась, поехала чуть в сторону, и незадачливый спелеолог потерял равновесие, схватил рукой пустоту и рухнул в невесть откуда взявшийся проем. Он пролетел метра полтора, больно стукнулся о какой-то выступ и, потеряв сознание, бесформенным кулем скатился вниз.

Очнувшись, ощупал себя. Он лежал в холодной луже в жутко неудобной позе. Все тело болит от многочисленных ушибов, но кости, похоже, целы. Руки и ноги двигаются, хоть и не без труда. Голова раскалывается, перед глазами все плывет. К горлу подкатила тошнота. Видимо при падении неплохо приложился головой. «Сотрясуха, как пить дать», – подумал Паук. – «Хорошо хоть в каске был, а то бы наверняка убили». Каска, кстати, отлетела и потерялась, а вместе с ней налобный фонарь. Карманный фонарик тоже разбился. Тогда он достал из внутреннего кармана химический стержень и активировал его. Холодный химический свет озарил небольшой грязный грот. Судя по всему, он выпал из провала в верхней галерее, зияющего чернотой метрах в четырех от поверхности. Скорее всего, он ударился о большой валун, от которого отрекошетил к дальней стенке, по которой, собственно, и скатился в большую грязную лужу, где и остановился, уткнувшись в большой плоский камень с углублением посередине. За камнем чернел провал узкой глубокой трещины. Весь пол грота, насколько хватало света тусклого химического светильника, был покрыт костями, человеческими черепами и даже целыми скелетами. На некоторых сохранились остатки одежды и оружие. Буквально в метре сидел скелет в неплохо сохранившейся форме немецкого офицера СС с шевроном АНЕНЕРБЕ. Половина его черепа была снесена, оттого пристальный взгляд пустых глазниц казался чрезвычайно злым и зловещим. Этот взгляд резко контрастировал с широкой приветливой улыбкой черепа, отдельно стоявшего прямо на плоском камне, о который остановился Паук. Странно,

но Николай не испытывал ни ужаса, ни отвращения, ни даже брезгливости по отношению к останкам этих разных людей, чьи судьбы странным образом переплелись в этом затерянном гроте, и к которым он в скором времени присоединиться. Эта мысль пришла внезапно. Пробежала электрическим разрядом вдоль позвоночника. Нестерпимо захотелось жить. Он попробовал вскочить, но не смог. Резкая боль в правом боку не дала подняться. Он переместил светильник поудобней, скосил глаза вниз и обомлел. В правом боку, погрузившись почти по самую рукоять, торчал его Нож. Темный каменный набалдашник стал багровым. Внутри его забегали искры. Ровно посередине пробежала трещина, и камень стал похожим на огромный, налитый кровью, змеиный глаз. Паук вскрикнул и, повинуясь инстинкту, выдернул кинжал из тела. Тот вышел с трудом, неохотно покидая живую плоть. Густая, черная кровь освобожденно хлынула из раны. Николай изумленно уставился на клинок. В зеленоватом химическом свете темная сталь загадочно переливалась разными узорами. Крови на ней не было, словно Нож выпит ее, выпил всю, без остатка.

Паук закричал и отбросил от себя страшное оружие. Потом попытался встать, но его руки подломились и он завалился на спину, прямо на плоский камень, у которого сидел. Силы покинули его, и он застыл, уютно устроившись по соседству с улыбчивым черепом, и наблюдал, как его кровь медленно течет по шершавому камню. Стало заметно холоднее и чуть-чуть светлее. По стенам побежали темные тени. По краям его лежака выступили странные символы. На самом камне проявился сложный рисунок. «Это Алтарь», – пронеслось в голове у Паука, – «Жертвенник. И сегодня он, похоже, получил свою жертву». Послышался негромкий протяжный свист. Паука охватила апатия. Боль отступила. В теле появилась обманчивая легкость. Чувства постепенно исчезли. Сначала пропал страх, потом вина, сожаление и жалость к себе. Последней ушла надежда. Осталась пустота. Велико Ничто поглотило душу. И тут его взгляд упал на лежащий рядом Нож. Рука сама потянулась к нему. Паук взял нож и положил на грудь. Неожиданно у него появилось желание уйти красиво, как древний воин, со своим оружием. Как ни странно, этот незамысловатый жест вернул его к жизни. Николай ощутил, как из Ножа в него вливается сила. По телу пробежала теплая волна и вступила в схватку с могильным холодом, уже охватившем ноги и нижнюю часть живота. Но силы были явно не равны. Холод медленно, но уверенно продвигался выше. И вот уже мягкая, но когтистая лапа сжала сердце. «Нет» – заорал Паук из последних сил, – «Не хочу умирать! Я здесь! Эй, спасите!» Он попытался вскочить, но тело не слушалось. Он лишь смог слегка оторваться от камня и скатиться с Алтаря. Последнее, что он увидел, была ехидная улыбка на черепе немецкого офицера.

Глава 3

– Бригадир, ты уверен, что он сюда пошел?

– Уверен. Мы с ним этот вход вчера раскопали. Я не пролез, а Паук проверил. Худой, как собачий хвост, в любую дырку влезет. Вот и полез. Прополз метров двадцать и обратно. Сказал, что там тупик. Но соврал. Уж больно рожа хитрая была. И задумчивый потом весь день ходил. Не иначе наше чего и скрысятничать решил. Заныкал, а ночью решил забрать.

– Скорее всего... Только что же это должно быть, чтобы за ним ночью в шкуродер и одному?

– Вот сейчас и узнаем, – произнес Бригадир – Ищите. Лаз маленький, не заметный. На своде перед ним должно быть два охранных знака.

– Есть, Бригадир, – крикнул худой парень с мощным фонарем в правой руке. – Это он?

– Он. Давайте, ребята. Я не могу. Полезут Пиксель и Крот. Остальные по габаритам и по необходимости. Быстрее, парни, – торопил Бригадир – Чую, беда приключилась.

– Идем. Идем, – донеслось уже из-за стены, – Здесь явно кто-то был. Недавно. След свежий.

Прошло несколько долгих минут и вновь послышалось:

– Тут дальше лаз расширяется. Еще дальше коридор. Нужна помощь. Жека и Пиксель пусть подойдут. А ты, Бригадир худей. С твоим тазом только... Стоп. Слышу крик. Быстрее. Веревку тащите. И носилки.

– Да... – произнес Бригадир обреченно, как только спасательная бригада скрылась в тоннеле, – Не хотел я Паука брать. Как чувствовал.

– Чувствовал, да не мог, – произнес невысокий крепыш, присевший рядом с Бригадиром. – Да и как его не взять, когда он всю эту экспедицию и затеял? Всю тему накопал. К тому же он кореш Санька, а без Санька, вернее его папаши, мы бы шагу не ступили.

– Да, без папаши нам бы тяжело пришлось. Столько денег на подготовку мы б черта с два нашли. Да и разрешения нам бы никто не дал. А тут зеленый свет везде.

– И условия приличные, вполне подъемные. Аж подозрительно. С чего вдруг такая щедрость? При его то власти! Может запросто все отнять, и ты ему еще спасибо скажешь. А тут прям расшаркался.

– Говорит, что Санька в люди хочет вывести. Ему надо, мол, самому по жизни подниматься, выходить из-под крыла папиного. А в «семейный бизнес затягивать рановато. Не готов еще отпрыск. Вот и старается, как то увлечь, направить в правильное русло. А эти копейки для него не деньги вовсе...

– Ага. Он за каждую копейку воробья в поле загоняет, а тут такая щедрость. Нет, это «жжж» неспроста!

– Мне самому подозрительно, но это же не повод от такой экспедиции отказываться. Ладно. Давай вначале найдем что-нибудь, а дальше думать будем.

Друзья замолчали, рассеянно уставившись на темный провал шкуродера. Вдруг показался тонкий луч. Он становился все ярче и, наконец, из-за камня показалась голова Каа.

– Нашли, – взволнованно затараторил он, – Он в расщелину свалился. Мы спустились вниз, он там. Вроде цел, но не шевелится. Без сознания. Чем-то бок пропорол. Крови много потерял. Крот и Пиксель его пакуют. Сейчас зафиксируют и поволокуют. Надо срочно в лагерь. Реанимацию готовить.

– Бежим. А че там еще? Есть чего? – спросил крепыш.

– Ты че, Боцман! Там такое! Полный карачун! В местных сказках большая доля правды. Мы, похоже, весь партизанский отряд нашли, вместе с немцами. Там скелетов пятьдесят, не меньше. И кости повсюду... А оружия! В общем, там таки есть что поискать!

– Хорош трепаться! – закричал Бригадир, – Потом лясы точить будем. Боцман, давай в палатку. Погоди, я с тобой. Док, ты за старшего. Мы внизу. Все. Рвем когти.

Глава 4

Паук очнулся через два дня. Это произошло быстро и как-то буднично, без театральных пауз стонов и закатываний глаз. Просто однажды утром Паук открыл глаза и схватил Дока за руку.

– Кинжал нашли? – первым делом спросил он. – Он мой.

– Ты че? – возмутился Док, – совсем с глузду рухнул?! Ты тут крысятничаешь. Всех на уши поставил. Парни с тобой как с пасхальным яйцом носились, пылинки сдували. С того свету практически вытащили, а ты сразу с наездом! Ты че, Паук! Окстись. Тебе их благодарить надо, прощения просить. А ты... Хоть бы здравствуй сказал.

– Кинжал мой, – упрямо повторил Паук, – ты не понимаешь, мой! У кого он?

Он неожиданно сильно сжал руку.

– Ты не понимаешь! Он мне нужен. Он мой. Иначе все умрете!

– Так ты еще и угрожаешь?! – Док рывком вырвал руку. – Что значит твой? Нож наш. Это общая добыча. А тебя за твое крысятничество я вообще предлагаю доли лишить.

– Кинжал мой. В нем моя кровь. Без него Паук умрет. Все умрут... Нужен ритуал... Жертва...

– Ты что бормочешь? У тебя бред. Какой Паук умрет. Ты тут в палатке. Жив – здоров. Даже говоришь. Правда, еще не соображаешь.

Док достал ампулу с реланиумом и сделал пациенту укол.

– Поспи лучше. Тебе отдохнуть надо. А то кинжал ему подавай. Ритуал. Жертвы. Спи давай. Чую, мне тебе еще голову лечить придется.

Ближе к вечеру в палатку к Пауку зашел Бригадир.

– Ну что, очухался? Здрав будь Николай. Напугал ты нас. Больше не делай так. Как твое самочувствие?

За время вынужденного беспомощного Паук похудел еще больше. Осунулся. Кожа обтянула череп так, что под ней видна была каждая жилка. Казалось, что острые скулы вот-вот прорвут этот желтоватый полупрозрачный пергамент. Глаза запали, а под ними образовались большие черные круги. Лицо приобрело возвышенно-страдальческое выражение. Так обычно изображают святых мучеников или умудренных жизнью схимников, или иногда голодающих из каких-нибудь концлагерей. Но, нахлынувшее было чувство жалости, моментально слетело, стоило Пауку открыть глаза. В них не было ни боли, ни раскаяния, ни сожаления, ни желания сочувствия, а лишь холодная сила, жестокость, дикая уверенность в своей правоте. Бригадир аж отшатнулся от неожиданности. Это не были глаза Коли Паукова. Он никогда так не смотрел.

– Где кинжал? – спросил Паук непривычно низким грудным голосом.

– Он мой. – Произнес он, не дождавшись ответа.

– Коля, ты что? Какой кинжал? Да и вообще ты, видимо, когда башкой шандарахнулся, извилины сильно порастряс. Ты кто такой, чтобы мне тут ультиматумы ставить?

– Он мой – упрямо и исключительно в утвердительной форме повторил Паук, – это не обсуждается. Артефакт нашли?

– Какой артефакт? – опешил Бригадир.

– Там рядом должен быть браслет со змеем. Его нельзя трогать. Он опасен.

– А что за браслет? – Бригадир внимательно посмотрел на товарища, – Ты его где видел?

Из чего он сделан? Чем опасен?

– Еще там Амулет должен быть. Костяной, с бирюзовыми камнями. Не нашли?

– Нет, такой не находили. А что ты еще видел? Где это лежит?

– Амулет достать надо. В нем сила. Без него обряд не смогу... Закрывать надо...

Глаза у Паука стали безумными, в них появился лихорадочный блеск. Он попытался встать, но был надежно привязан к кровати. Док на всякий случай зафиксировал после появления первых симптомов неадекватного поведения. Паук рванулся сильнее. Веревки натянулись, и хлипкая кровать начала предательски прогибаться.

– Держи его, Бригадир, – крикнул Док и вскрыл очередную ампулу реланиума. Бригадир навалился сверху, пытаясь обеспечить максимально удобные условия для введения очередной дозы успокоительного. Паук продолжал вырываться и кричать.

– Идиоты, тупицы. Он уже вышел... Я не смогу закрыть... Он хочет крови. Не закрою – возьмет вашу... Кинжал, отдайте... Это я...

Наконец лекарство начало действовать. Движения стали вялыми, пока совсем не прекратились. Глаза заволокло пеленой. Голова завалилась на бок. Пациент уснул. Бригадир и Док слезли с тела.

– Здоровый гад, – уважительно произнес Бригадир, – вот уж не думал, что в таком тщедушном теле такая силища.

– У психов это нормально. Он, судя по всему, крепко головой приложился. Отойдет ли теперь? Это теперь не наш безобидный ботан Коля, это полноценный псих со всеми вытекающими.

– Это точно. Он как глазищи открыл, как зыркнул, я чуть не обгадился. Ноги ватные стали. Когда со мной такое было? – Бригадир воровато оглянулся по сторонам. – Док, Коля вернется? Как думаешь? У него крыша на место встанет?

– А кто его знает?! Голова предмет темный, исследованию не подлежит. Вполне возможно, что проспится и утром как огурец будет. А может все. Кукушка надолго улетела. Его только в клинику помещать.

– Не хотелось бы. Будем надеяться на лучшее. Но дежурство у него усилить. Теперь только по двое заходить. Да, – Бригадир вопросительно поглядел на Дока, – что это он там про амулеты говорил?

– Ну, если упустить кровавые бредни, связанные с пробуждением кого-то там страшного, то в пещере должны быть браслет со змеей и костяной амулет с синими камешками. Если это из одного с кинжалом гарнитура, то предметы исторические, цены немалой. Достать надо. Тем более, что лежать должны недалеко от того места, где его нашли.

– Легко сказать – «достать надо». А ты достань. Мы пока только завал разобрали и подходы очистили, да и так, что сверху было, повыгаскивали. Глубоко никто не лез. Страшно. Никто объяснить причину не может, а лезть отказываются. Достать успели много, не спорю, но то, зачем шли, все еще там.

– А ты сам?

– А у меня зад не пролазит. У меня и у Боцмана. Нас двое таких. Ну и ты еще, пожалуй, третьим будешь. Ладно, завтра пойдем еще раз, а может послезавтра, когда больной в себя придет.

Больной приходил в себя с невероятной скоростью. Проснувшись ни свет ни заря, он первым делом попросил поесть. Вел он себя спокойно. На вопросы отвечал адекватно. Словом, никаких тревожащих сигналов не подавал. Его развязали и дали поесть, на всякий случай, усилив охрану. Однако, опасения не оправдались. Николай просто ел. Молча и сосредоточенно. Но очень много. Ел он весь день. Как пошутил Крот, Паук решил покончить жизнь самоубийством. Он уничтожил недельный запас тушенки и выпил три банки сгущенки. Все это дело он запил двумя большими чайниками душистого чая из горного сбора. И куда в него все это влезло? А главное куда вылезло? И когда? Он полдня в палатке проторчал! Едва выбравшись из платки, он потребовал вернуть нож. Был послан обратно в палатку. Попробовал скандалить. Но делал это не агрессивно и даже немного забавно: в высокопарной старинной манере. Периодически переходил на старорусский. Обещал всех загнать в мир Нави. Пугал мавками, зме-

ями, духами со странными именами и почему-то воронами. Получалось не страшно. Бояться его наотрез отказывались, а попытки физического воздействия пресекли решительно и сразу. Развязали только после того как он клятвенно пообещал с кулаками не бросаться и кары небесные на друзей не призывать. После этого Паук замкнулся. Ушел в дальний конец лагеря. В разговоры не вступал. На вопросы отвечал односложно. Вообще вел себя очень странно: лазил по склону на карачках в поисках какой-то травы, а, найдя ее, радовался как ребенок. Нюхал землю. Потом успокоился, будто нашел что-то. Перетащил туда свою палатку. Натаскал камней. Сложил их необычным узором. Разрисовал окрестные валуны непонятными знаками. Причем все это он проделывал молча, с остервенелой сосредоточенностью и фанатизмом. Однако, ни к кому не приставал, не буйствовал, не безобразничал. Словом, вреда никому не причинял. Его оставили в покое, лишь со стороны наблюдая за странными метаморфозами в поведении их стукнутого приятеля, неожиданно обнаружившего у себя задатки, по меткому выражению Крота, «матерого заклинателя духов и собирателя черной энергии».

Ближе к ночи, когда все собрались за общим столом под кружку бодрящего чая, неожиданно появился Паук. Он тихо подошел, молча сел с краю, наложил целую миску горячей каши и устался в огонь рассеянным взглядом.

– Здравствуй, Коля, – елеиным голосом произнес Санек, – как поживалось? Ничего не болит? Душа не ноет? Крыша уже не течет?

– И ты не хвораешь, Саша. У меня все в порядке, благодарствую. И с крышей нормально, я б на твоём месте за свою переживал.

– Не, вы слышали?! – Сашек вопрошающим взглядом обвел окружающих, – Все в порядке у него! Ты че в пещеру полез, крысятник.

– Хорош, Санек, – осадил его Крот. – Ты лучше расскажи, как угораздило тебя себе хакири сделать?

– Может у него совесть проснулась, – не унимался Санек. – У друзей воровать, это не дули воробьям крутить.

– Заткнись, Санек, – сказал Бригадир, – дай человеку в себя прийти.

– Так то человеку, а он Паук. Насекомое без стыда и совести.

– Заткнись, я сказал, – рявкнул Бригадир, – иначе...

– Ну, в самом деле, Саш, что пристал. Он как человек пришел. Что ты наезжаешь сразу, – поддержал командира Макс, – Коль, расскажи, как пещеру вычислил, что там видел.

– В самом деле, расскажи, что видел, – спросил Крот, подсаживаясь поближе.

Паук пристально посмотрел на Крота, Бригадира, бросил презрительный взгляд в сторону Санька и произнес:

– Да ничего я толком не видел. Провалился случайно. Напоролся на нож. Ударился головой. Потерял сознание.

– Да ладно заливать то! Ты успел на камень забраться, с камня спуститься, заломить светильник и поорать о помощи. Зная тебя, на помощь звать ты станешь в последнюю очередь. А вот обследовать окрестности, это завсегда. Колись, что видел.

– Я же сказал, ничего не видел. Не до того было.

– Ты про амулет что-то говорил, да про браслет. Рассказывай, – мягко, но с угрозой произнес Бригадир.

– Да что с ним возиться, – взвился Санек, – крысятник он. Ничего не скажет, ежу понятно. Думает, что мы его туда пустим, и он все сам соберет. Хрен тебе! Зря мы тебя оттуда на своем горбу вытаскивали!

– Успокойся, Санек. Последний раз предупреждаю. Тут я решаю, кому хрен, а кому пряник. – Бригадир повернулся к Пауку. – Рассказывай, Коля.

Паук внимательно посмотрел на Бригадира, потом на Санька, потом опять на Бригадира, налил себе чай из большого походного чайника и произнес:

– Нечего особо рассказывать. Я видел только кости, череп. Оружие видел. Ни амулета, ни Браслета не видел. Знаю, что они там. Там же и остальные сокровища, за которыми, собственно, и шли. Про них вы и так все знаете. А пошел туда, потому что знаки увидел. Старинные, бережные. Вы их даже прочесть не можете. Потому вам туда нельзя идти, опасно.

– Умный, значит, – прошипел Санек, – а мы тут идиоты собрались. И что ж там пишут?

– Духи тут. Плохое место.

– Как интересно! – вклинился Крот, снимая напряжение, – расскажи легенду какую-нибудь, а то у Бозмана все анекдоты с такой бородой, что волосы аж в кулеше плавают.

– Верно, – поддержал товарища Макс, – расскажи сказку, а то на душе паскудно как-то. А про сокровища потом поговорим. Мы все равно еще завал до конца не разобрали.

– Сказку? – удивился Паук. Потом подумал и добавил: – Сказку, не сказку, а вот легенду об этих местах я вам поведаю. Давным-давно здесь жило племя. Все как положено было. Процветание. Мудрый вождь. Старый, правда, но мудрый. Дочь красавица. Богатыри славные. Одного из богатырей Рузай звали. У них с дочерью вождя любовь возникла. Батя был против: он планировал дочь в жены соседу, могущественному хану отдать, союз укрепить. Обещал уже. Но по Кону не мог без ее согласия за чужеродца выдать. А она уперлась. Тогда вождь испытание придумал. Поручил добыть артефакт магической силы огромной, божественной. Рузай добыл. Как, – это отдельная легенда, но нам важно, что добыл. Вождю делать нечего, слово держать обязан. Сыграли свадьбу. Но недолго молодые в своем счастье пребывали. Обиделся могущественный сосед, собрал силы несметны и пошел войной. Несколько селений разорил. Все сжег, а людей погубил. Всех поголовно. Даже в рабство никого не брал. Тогда все мужчины племени старше двенадцати лет ушли на войну. Возглавил войско Рузай. Вождь, поскольку уже старый был, остался в городе править. Дочь вождя, как водится, поплакала, обещала ждать, платочком помахала. Словом все чин чинарем. Но затянулась война. У Рузая было мало воинов, а у хана много. В открытом поединке сойтись было чистым самоубийством. Рузай посчитал, что слон должен стоять, а муха жалить. Только так можно сдерживать врага и не дать ему разрушительным ураганом пройти по родным землям. Словом, он выбрал тактику стремительных ударов с последующим отступлением. Так они гонялись друг за другом несколько долгих лет. Но так не могло продолжаться до бесконечности. Зажал, таки, хан Войско Рузая в этих горах. Деться им было некуда. Решили богатыри дать последний бой. Они встретили врага в тесном ущелье, чтобы свести к минимуму преимущество хана в численности. Много дней длилось сражение. Стойко стояли воины Рузая. Отчаянно рубились храбрецы. Много славных воинов пало, много подвигов ратных совершено было. Но, несмотря на проявленный героизм и стойкость, войско было обречено. Тогда с помощью своего артефакта обратился Рузай к Богам. Не за себя просил, не живота хотел. Просил, чтобы Боги не пустили врага лютого на земли родные. Услышали Боги, сказали, что обрушат на врагов горы, но Рузай должен пообещать, что отдаст Богам сердца предателей и детей их. Согласился Рузай, ибо уверен был, что нет среди его соратников предателей, а если таковые и отыщутся, то все равно они все сегодня погибнут. Заключил он сделку. Вышел Рузай к своим воинам и поведал им о воле Богов. Рассказал им, что хочет заманить войско хана в ущелье, и когда те войдут, Боги обрушат горы. Также Рузай сказал, что те, кто последует за ним, погибнут, ибо их завалит камнями вместе приспешниками хана. А потому он взял с собой только самых близких своих соратников. Остальным же приказал возвращаться домой тайными тропами, через эти горы.

– Знаю я продолжение, – раздался ехидный голос Санька, – Рузай погиб, а тех, кто ушел, Боги сочли предателями и покарала. Теперь их души бродят тут и пугают туристов.

– Нет, – Паук сделал большой глоток чая из дымящейся кружки, – Не суди по себе. Никто не ушел спасительной тропой. Все остались. Рузай гнал их, но они остались. Решили, что лучше погибнуть с честью, чем жить в бесчестии. Сказали, что они свободные люди, и никто не в силах запретить им выполнить свой долг. Возрадовался Рузай. Хороших воинов он воспитал, насто-

ящих. Нет среди них гнили. Не получают Боги свою жертву, потому что нет среди них предателей. Все пошли, все бились. И было так. И обрушили боги ущелье. Войско хана было уничтожено, а остатки его рассеяны по окрестностям. Богатыри Рузая тоже пали. Почти все. Но сам Рузай и несколько его ближников выжили. Еще долгих три года Рузай с ними зачищал эти места от недобитков хана. А потом пошли домой, где богатырей ждали семьи.

Но слишком долгой была война. Много воды утекло. Жена Рузая, прекрасная Леда, встретила молодца Пария, который был очень хорош собой, пел красивые песни и к тому же был сыном вождя соседнего племени. Прошло уже несколько лет. О Рузае ничего не было слышно. Никто не вернулся из похода. Вождь посчитал, что все погибли. По героям справили тризну. Леда горько плакала, грозилась наложить на себя руки. Но потом ее сердце растопили песни Пария, а тут еще папа убеждал, что брак с Парием – благо для племени, ибо оно осталось практически без защиты, ведь все мужчины погибли вместе с Рузаем. В общем, Леда поломалась для приличия и вышла замуж за Пария. Вскоре у них родился сын. Таким образом, когда Рузай вернулся, он узрел картину мнимого благополучия.

– Почему мнимого?

– Мужчины ушли, а женщины по природе своей не способны к развитию. Их Боги сотворили, чтобы они сохраняли все лучшее. Вот и получилось, что, оставшись в безопасности, и будучи предоставленными только самим себе, женщины сосредоточились на собирательстве добра, накоплении. Они забыли про труд, отказались от Быть в пользу Иметь. Хитрый вождь стал раздавать собранное золото в рост соседям, несмотря на прямой запрет Богов. Этот процент стал основой благополучия. Люди перестали трудиться сами. Для выполнения тяжелой работы стали брать рабов, хотя раньше рабство было запрещено. Заветы Богов забыли, ибо некому стало за этим следить. Женщины стали выходить замуж за инородцев, принимать их веру, заменять свои традиции чужими. Праздность и чувственные удовольствия стали нормой и целью жизни. Так что, несмотря на видимость благополучия и богатства, племя умирало. Радость ушла из этих мест. Это было заметно по потухшим глазам детей, опущенным плечам прохожих, неестественному смеху, пошлым шуткам... Обреченность всегда чувствуется, особенно остро теми, кто был у Черты. Правда, Бригадир?

Выдержав театральную паузу, Паук продолжил:

– В общем, когда Рузай и его немногие, оставшиеся в живых богатыри вернулись, им не обрадовались. Племя понимало, что предало своих заступников. Всем было стыдно. Этот стыд они потопили в злости. Эту злость направили против тех, кого сами предали, кто оказался чище их, лучше, выше. Кто мог спорить с Богами.

Богатыри вскинулись, захотели уничтожить скверну, и вполне могли это сделать, ибо были сильны духом, а народ их слаб и ничтожен, но Леда бросилась в ноги Рузаю и умоляла пощадить. Рузай понял все. Он догадался, о какой жертве просили Боги, но не смог убить жену и ее дитя. Он просто встал и ушел. За ним ушли его соратники, а также те, кто остался верен, и те, кто не хотел гнить в болоте праздности и сытости. Они ушли. За горой они остановились, образовали новое поселение и стали жить по старым заветам.

Но их бывшие соплеменники не успокоились. Они не могли терпеть соседство того, кто постоянно напоминает тебе о твоей подлости. Они возненавидели новых соседей. Ведь душа каждого человека мечтает о Свете, хочет очиститься, вырваться из этой теплой липкой грязи, жить ярко, по Правде, по Совести, а значит не так, как раньше. Не в неге да лени, а в трудах и лишениях, без зависти, подлости и стяжательства. Ну а к этому мало кто оказался готов. Теплый дом, вкусная еда, ласковые жены... а горы добра нажитого куда девать? Кому? И что взамен? Проще вниз, на родное дно, где все ясно, привычно, знакомо. Словом, не смогли люди простить себя за свою подлость. И жить рядом с тем, кто о ней напоминает, тоже не захотели. Словом, придумали еще одну подлость: объединились с другими соседями, выманили Рузая и друзей его и убили их. Живые герои никому не нужны.

– Как это, не нужны? – искренне удивился Крот

– Живые не нужны. Мертвые – да. За мертвых драка идет. Они просто жизненно необходимы. Как пример, память. Для воспитания молодежи, патриотизма, усиления своей власти, получения прибыли.

– Не понял, – пробормотал Крот, – это как? Почему?

– Ты как вчера родился! Мертвый герой удобен всем. Он не спорит, не дерется. Молчит себе. Мертвые обычно молчат. Его историю к чему угодно приписать можно. Выставить защитником любых интересов. Сочиняй, что хочешь, он и не пикнет. А если б жив был? Ты знаешь, куда бы он всех послал? Да что там послал, сам бы проводил. Проверил, дошли, аль нет.

В живых героях слишком много от Богов, а значит мало от скота. А человек по природе своей скотина. Да, он может в какой-то момент совершить подвиг: броситься в огонь, коня в горящую избу пинками загнать. Но потом опять в грязь скатиться, чтобы повалиться вволю, излиться в скотстве, врать, предавать, жрать, иметь все, что шевелится, ну и вспоминать по пьяни о былых подвигах. А герой заставляет, даже невольно, жить чисто и светло, как он сам, и не один раз, а все время, всегда! За это его и любят, им восхищаются, но сами так жить не могут, да и не хотят. Герои хороши там, далеко, но чтобы за нас бились. А рядом они опасны. От того их и убивают. Чаще всего в спину. Так и Рузая убили. Пошли войной, сломить не смогли. На торговлю не купились. Тогда Леда позвала Рузая и его ближников на переговоры. Гарантии дал, все дела. Пир устроили, а на пиру всех и отравили. Тела сожгли, пепел в этих скалах развеяли.

– А Боги почему не вмешались?

– У Богов свои пути. Тем более обманул их Рузай. Клятву не выполнил. За это его Боги наказали. Привязали души к его артефакту. Так и бродит тут душа древнего богатыря неприкаянная, врагов своих ищет, чтобы договор с Богами исполнить и обрести покой. А если встречает того, у кого есть хоть капля крови Леды, убивает.

Паук умолк. Рассеянно глядя в огонь, он неторопливо шевелил палкой угли. Его худое, строгое лицо, подсвечиваемое багровыми отблесками догорающего костра, выглядело величественно, загадочно и зловеще. Над стоянкой повисла тишина, сквозь которую вместе с ночным холодным ветром просачивались громкие шорохи, потрескивания, глубокие гулкие вздохи, пронзительные крики ночных птиц, а может и не птиц. Тень неприятного предчувствия коснулась волос на затылке и зашептала что-то невнятное в ухо. Парни поежились и инстинктивно сдвинулись поплотнее друг к другу.

– Тьфу на тебя, – раздался сердитый голос Боцмана, – Вечно истории у тебя... Жути нагоняешь. Тебе пионеров у костров пугать в самый раз будет. Лучше бы, что веселое рассказал.

– А мне нравится, – бодро заявил жизнерадостный Крот, – как в детстве. Мы тогда любили ночью у костра страшилки рассказывать. Соберемся, сядем в круг, и давай фантазировать...

– Мы в детстве в лагере тоже почитай каждую ночь истории разные толкали. Да пострашней. Кто кино перескажет, кто сказку вспомнит. Целое соревнование было, кто соврет лучше.

– Тогда Паук вне конкурса бы пошел, – оживился Санек, – Скажи, Коля, тебя это в детстве так напугали? Это у тебя оттуда тактика такая: сначала придумал, потом напугал, спонерил, чего-нибудь, и на духов свалил. Красавец!

– Это легенда. Старая легенда. – спокойно ответил Паук, не реагируя на подначки. – Но в каждой легенде есть правда. Если столько времени живет, значит, правды много.

– Перестань, хорош народ пугать, – вмешался в беседу Бригадир, – тут за последние сто лет только официальных экспедиций штук двадцать было. Я про туристов вообще молчу. И ничего. Новых легенд не появилось. Никто не исчезал.

– Может, исчезал, а может и нет. Доподлинно мне не известно. – философски протянул Паук, – Только до революции тут жителей мало было. А после революции заповедник сделали.

Ну а после войны, так вообще закрыли территорию на долгие годы. Но это не суть. Если верить славянским волхвам, то на этих землях еще долго люди жить не смогут. Тысячу лет назад тут нечисти было не продохнуть, ибо врата в мир Нави открылись. Кашей специальный отряд волхвов отправил. Они ворота запечатали, нечисть проредили, но не вывели. Видимо, что-то пошло не так.

– Хорош пургу гнать, – подал голос Боцман, – тебе ж сказано было.

– Это не пурга. Помните знаки в пещере? А камень, где я руны нашел? Кто-нибудь их смог прочитать? Нет. То-то и оно. Потому что старые очень. Видели камни, что я приволок? Так вот там тоже руны. Только более свежие. Так вот, – это охранные знаки. Сильные очень, магические. Знак на вон том булыжнике – своего рода печать. Часть из них нарушена, а значит, не работает. Есть свежие знаки, не более 100 лет. Значит кто-то тут волховал. Причем делал это со знанием дела.

– Что за печать такая?

– Печать Велеса. Одна из... Сильная. Делал мастер. И сбивал мастер. Ранг не ниже восьмого. Я подправил, но не уверен, что надолго. Но это все равно лишь сдерживающий контур, вспомогательный. Основной не здесь, – Паук окинул взглядом собравшихся и высокомерно произнес. – Да, что это я? Перед кем распинаясь! Вы все равно не верите. А когда припечет, поздно будет.

– Да ну тебя! – обиженно заголосил Крот. – Только настроение пришло. Как в детстве, тепло, темно, страшно, но до жути здорово! А тут ты со своей мистикой все испортил. Переборщил ты, брат.

– Это почему нам не понять? – с угрозой в голосе прервал Крота Санек. – Я что, тупой? Или опять что-то стырить захотел?

– Потому что ты видишь только то, что хочешь видеть. А в твоём случае не только ты.

– Чего?! Ты у нас что, пророк? Третий глаз прорезался? Так я тебе его быстро закрою!

– Санек, перестань, – одернул Бригадир.

– Для тебя пророк, – спокойно ответил Паук, продолжая ковырять угли. – Ты тупой, злобный и трусливый червяк, который дальше своего носа не видит. Для тебя и баран пророк.

– Чтооо!!!!

Санек вскочил и грозно направился к Пауку.

– Да я тебя закопаю, насекомое.

– Санек, стоять, – Бригадир кинулся на перерез. – Ты не видишь, парень не в себе.

– Ты на кого хлебало разявил, крысеньш! – не унимался Санек.

– Спокойно, спокойно.

Бригадир аккуратно, но жестко обхватил Саньку, лишая того возможности совершить акт насилия над личностью.

Саньку усадили, налили стакан. Он выпил, все еще продолжая грязно ругаться и обещать на голову Паука различные кары, но делал это уже без особого энтузиазма.

Как ни странно, трусоватый Паук даже не шелохнулся, даже глазом не повел. Он продолжал спокойно сидеть и задумчиво ворошить угли.

– Ты че, карась, – к Пауку подошел Боцман. – Ты зачем на человека наехал? Он тебя из пещеры на себе пер, а потом, пока ты в отключке лежал, дежурил рядом, примочки менял. Нехорошо... Извиниться бы надо...

– Он сам нарвался. Весь вечер нарывался. А потом я правду сказал. Он спросил, я ответил. Так что извиняться мне не за что, а примочки он не мне ставил, а своим будущим находкам. Он знает, что без меня ничто, вот и старался.

– Что?! Может, еще скажешь, что мы тогда из пещеры не тебя тащили, а будущие находки?

– Меня, – спокойно ответил Паук. – но только не ради меня, Коли Паукова, а потому что так надо. Закон такой: помоги товарищу, и товарищ поможет тебе. По-другому в походе нельзя – пропадешь. Так что доблести или героизма тут нет. Необходимость. Долг. Не более.

Над лагерем повисла напряженная, гнетущая тишина. Произнесенные слова были настолько оглушающе неожиданными, что на мгновение все потеряли дар речи.

– Вот тебе и спасибо, – произнес Крот, – дождались. Я тебя на себе из шкурника пер! Ночью, по незнакомой пещере! И вот она благодарность! Дождался. Услышал.

– Это твой долг. За долг не благодарят.

– Да ты оборзел, карась! – взвился Боцман, – Я тебя защищал всегда! Ты, сука, паруса совсем порвал! Я тебя сам замочу!

Боцман начал грозно приподниматься.

– Ты не меня защищал.

Паук встал и сделал шаг в сторону.

– Ты свое самолюбие защищал. На вроде благотворительности. Тебе ж надо, чтобы тебя кто-то слушался. Да не просто слушался, а помогал часть найденного прикарманить.

– Что?! Ах ты, акула аквариумная!

Боцман в один прыжок преодолел расстояние, отделяющее его от Паука, и ударил в челюсть. Вернее попытался ударить. Паук сделал полшага вправо, повернулся, пропуская удар мимо, и несильно хлопнул Боцмана по уху раскрытой ладонью, выводя его из равновесия. Боцман упал, но тут же вскочил – яростный, с перекошенным ненавистью лицом. В глазах было обещание скорой и жестокой смерти. Паук отступил еще на полшага, избегая захвата. Боцман был намного тяжелее и сильнее Паука, но сила в бою не главное. Пусть он хоть медведям спины ломает! С воином ему не справиться. Паук легко перехватил кисть, дернул, а сам ушел в сторону, подставив ногу. Боцман плашмя рухнул на каменистую землю и покатился на животе, обдирая колени и локти.

Все повскакали с мест, бросились разнимать. Бригадир подбежал к Боцману. Тот ревел как раненый медведь. Сыпал проклятиями. На каждой его руке висело по человеку, но Боцман упорно продвигался к своему обидчику. Паук стоял на месте и с брезгливой гримасой наблюдал за борьбой. Неожиданно сзади на него прыгнул Санек и схватил поперек шуплой груди.

– Попался, крысеныш, – злорадно завопил он.

Паук не стал возражать. Лишь резко дернул головой и затылком заехал Саньку по носу. Потом схватил за рукав и за счет скручивающегося движения корпуса бросил противника себе под ноги. Однако, добивать не стал. Тот попробовал вскочить, но Паук сделал резкий шаг вперед и ногой толкнул под опорное колено. Санек неуклюже завалился на спину.

– Лежи, червяк, – жестко сказал он, – целее будешь.

– Уходи, – крикнул практически в ухо, подскочивший Бригадир, отталкивая Паука от замеревшего на спине Санька. – Проваливай! Быстро. Здесь тебе делать нечего.

Паук презрительно усмехнулся, глаза блеснули сталью, он быстро развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал в темноту..

«А ведь бок еще не зажил... Рана беспокоит. Бережется,» – мелькнуло в голове у Бригадира, смотрящего вслед удаляющемуся приятелю, – ногу подволакивает и слишком плотно локоть прижимает. Я бы с такой раной драться не рискнул, прежний Коля Пауков тем более. Кто же ты? Что произошло с тобой, студент?».

Сзади громко орал Боцман. Ругался он яростно, самозабвенно, сыпал яркими сочными образами, как и положено отставному моряку, описывая поведение Паука сложными многоэтажными словесными конструкциями. Тихонько подвывал Санек, угрожая «мерзкому насекомому» сотней различных видов расправы. Молчаливый Каа помогал Саньку выправить разбитый и, возможно, сломанный нос, сочувственно кивая и одобрительно мыча в ответ на наиболее

понравившиеся ему предложения. Галдели ребята, успокаивая пострадавших и друг друга. К Бригадиру неслышно подошел Крот.

– Анатольевич, какая муха их всех укусила? – неожиданно спросил он.

– Не знаю, не знаю. Все как с ума посходили. Атмосфера здесь нервная. Факт.

– А что с Пауком? Я его вообще не узнаю. Он вообще в своей жизни хоть раз дрался? Если б не Бецман, его бы первоклассники ранцами запинали. А тут двоих одной левой отделал. А как смотрит, как говорит. Куда делся тихий, забитый Коля?

Крот немного помолчал и добавил:

– А ты слышал, что он говорит? Прежний Коля так бы ни за что не сказал. Подумать мог, но сказать... Да еще так нагло, зло, продуманно. Будто весь вечер готовился.

– Слышал. Очень хорошо слышал. А знаешь, в его словах что-то есть.

– Ты что, ты его защищаешь?

– Нет, конечно. Он не прав. Жестоко, бесчеловечно, нагло...

– То-то и оно. Он нас всех опустил. В лучших чувствах. Осознанно и цинично. Даже я его сейчас ненавижу.

– Да уж...

– Не знаю как ты, но мне тяжело с ним дальше будет. Тварь неблагодарная. Больше не бери его в экспедиции.

– Да, сейчас эту рану залечить сложно будет, – задумчиво произнес Бригадир. И добавил тихо, почти про себя. – Но в чем-то он прав, хотя кому это сейчас надо...

Глава 5

Утром Бригадир застал Паука беззаботно медитирующим на восходящее солнце.

– Привет! Как здоровье? – участливо поинтересовался он.

– Сколько я провалялся? – спросил Паук, не прерывая своего занятия.

– Забыл? Я напомню. Ты был без сознания два дня. Потом буянил, потом сутки жрал все подряд. С тушенки со сгущенкой потянуло на подвиги. Ты напал на ребят. Хотел отнять общую добычу, не впервой, кстати. Тебе не дали игрушку. Ты обиделся. Перебрался ото всех подальше и с упоением погрузился в вязкое болото непознанного. Энергию собираешь, духов заклинаешь, наскальной живописью увлекаешься, вон, все камни под хохлому расписал. А вчера вечером представление устроил с массовым мордобоем. Парни тебя линчевать хотели. Не нашли. Ты где всю ночь шлялся? В общем, вижу, ты поправился. А парни, между прочим, завал разбирают. Из-за тебя устроенный, кстати. Хорошо, что не погиб никто. Док говорит, что рана у тебя практически затянулась. Силы восстановились. А если судить по тому, сколько ты тут камней натаскал и пирамидок настроил, он прав. Коля, если тебе так нравится территорию расчищать, может, поможешь нам с завалом? Тем более ты говорил, что в пещере этой интересные артефакты есть. Ты, кстати, что там видел? Где?

– Значит уже пять дней, – тихо сказал Паук, не обращая внимания на Бригадира, – пять дней ворота открыты. Плохо.

Потом он резко повернулся к Бригадиру и спросил голосом, не терпящим возражений:

– Завал, когда произошел? Там больше никто не пострадал? Смертей не было?

– Типун тебе на язык! Даже думать не могли. Еще раз вслух про смерть произнесешь, я тебе лично дупло запечатаю.

– Остынь. Я не просто так спрашиваю. Мне точно знать надо. Травмы, ранения среди личного состава есть?

Военная терминология, прозвучавшая из уст насквозь гражданского Паука, да еще выданная голосом привыкшим отдавать приказы, произвела на Бригадира оглушающее действие. Из глубин подсознания выскочили навыки, прочно вбитые туда еще в период армейской службы. Заготовленный ответ почему-то приобрел форму рапорта.

– Докладываю, завал произошел на следующий день. Жертв нет. В лазарете три человека. Пиксель с рукой, Боцман с ногой, Баламут сильно расцарапал плечо.

– Жертв, значит, нет. Это хорошо. Но крови уже вкусили. Плохо.

Он пристально посмотрел на Бригадира и произнес:

– Мне нужен мой кинжал и амулет. Я смогу запечатать вход. Пока смогу.

– Паук, ты, видимо, слишком сильно ударился. Забыл, что я в эту мистику не верю. Завязывай с экстрасенсорикой. Не пугай ребят. Можешь чистить карму, расширять чакры, даже с Тау-Китой по закрытому каналу связываться. Дело твое. Но, только тихо и только в палатке и, желательно, в спальнике. Чтобы не видел никто и не слышал. У нас и так проблем полно. Пещеру нашли. Она рядом. Кое-что достали. Но то, зачем шли, еще там. А взять не можем. Рабочих рук не хватает. Лазарет забит. Почитай все с легкими травмами ходят. Все нервничают. Даже от летучих мышей шарахаются. Вчера Каа рассказал, что видел в пещере огромную змею. Вылез, весь трясется. Лезть туда категорически отказывается. Да ладно он! Теперь туда никого не загонишь. А тут еще ты со своим карканьем. Так что заруби себе на носу, если услышу хоть слово про магию, пророчества и прочую мистическую муть, я тебя лично свяжу и так оставлю до конца экспедиции. Даже гадить в спальник будешь. Я слов на ветер не бросаю, ты меня знаешь. Уяснил?

– Это ты не уяснил, Бригадир. Я не Коля Пауков. Его уже нет. Вернее есть, но голоса не имеет. Я его не отпущу, но душу спасти можно. Иначе он присоединится к остальным.

Сейчас я здесь. Нож здесь. Они свободны и голодны. Им нужна кровь, они ее возьмут. С ножом и амулетом я смогу их закрыть. Даже в этом теле.

– Я не понял. Ты не Коля, стало быть. А кто?

– Меня зовут Рахман. Я – Хранитель Врат Нави. Был убит тут давным-давно вот тем самым Кинжалом. Мой дух был запечатан в нем. Паук принес себя в жертву на Алтаре. Впустил меня в себя. Я его подавил и уже не отпущу. Беда в том, что своей жертвой Паук разбудил не только меня. Мы все в опасности. Ты просто не понимаешь в какой!

– Так, с тобой все ясно. Ты лучше об амулете расскажи, что это? Как выглядит? Где видел? Что там еще есть? Это то, зачем шли?

– Почти, – усталым голосом учителя, начавшего терять терпение, проговорил Паук. – Я говорил уже. Костяной круг с бирюзовыми камешками.

– Древний?

– Очень. «Слезы Макоши» называется. Там еще есть браслет со змеей. Вот его мы и ищем. Он там, но его надо уничтожить. Это Зло. Вы не сможете ему противостоять.

– Так, браслет, амулет, что еще там есть? Где находится?

– Я повторяю. Я не видел, но знаю, что они там. Но вам туда нельзя идти. Только я и только с Кинжалом.

– Коля, друг, не дай Бог, конечно, ты что о себе возомнил? Хочешь помочь, буду рад, но только со мной и только без ножа. Со мной, кстати, это потому, что с тобой больше никто из парней после вчерашнего на одном гектаре не присядет.

– Ты просто не понимаешь. Оглянись, посмотри вокруг. Это ваше обычное поведение? Посмотри на Санька и на Боцмана. Они уже заражены. Уходить вам надо. Я могу еще запечатать, но только с ножом и амулетом, и то не уверен. А вам карачун. Уходите. Сегодня еще успеете. Сегодня ночь Жнеца. Будет первая жертва. – Паук повернулся всем корпусом и посмотрел прямо в глаза. От этого взгляда у Бригадира по спине побежали мурашки размером с кулак. Из серо-зеленого омота запавших глаз ощутило повеяло могильным холодом. Бригадир резко вскочил, скидывая с себя наваждение.

– Заканчивай шаманить. Я сказал. И парней не пугай. Не хочешь помогать, хоть не мешай тогда. Когда уходить, решать парням. Я б на твоём месте озаботился тем, как они решат с тобой поступить. Так что сиди и не отсвечивай. Я тебя больше защитить не смогу. Да и не стану.

Сказав это, Бригадир развернулся и уверенно зашагал к столу, где уже собралась большая часть команды в предвкушении завтрака, вдыхая ароматы волшебного утреннего кулеша.

– Ну как? – спросил командира Крот. – Что сказал заклинатель духов?

– Аз есмь Волхв и только я могу вас всех спасти. Отдай нож, и все спасется.

– Хрен ему в авоську, – зло огрызнулся Пиксель. – Я бы его еще вчера выгнал. Одного. Пусть валит, крыса.

– Да расслабься ты, – раздраженно произнес парень с короткой стрижкой и с окровавленной повязкой на руке. – Его Господь уже разума лишил. Пусть лучше помогает. Но нож, конечно, не дадим. Это не обсуждается.

– А без ножа он помогать отказывается.

– Ну и пес с ним. Без него справимся, да покарает Аллах его печень. Пусть сидит. Как говорил великий Сулейман ибн Мардух, мир им обоим...

– Заткнись Макс, – беззлобно прервал Крот. – Бригадир, скажи как он? Где всю ночь шлялся? У него с башкой серьезно?

– Как говорит Док, голова – предмет темный, исследованию не подлежит. Стукнулся наш Коля прилично. Крыша у него и раньше не прочно держалась, а теперь вообще обрушилась и поменяла конфигурацию. Теперь он не Коля Пауков, а Рахман – Хранитель чего-то там от чего-то там. Теперь он обладает уникальными магическими способностями и обостренным

чувством карачуна, который обязательно придет, если мы не отдадим ему нож. В то, что это его нож, он верит также свято, как и в то, что он Рахман.

– Значит, деньги ему не нужны. В долю его не берем. Так, на лечение скинемся и не более. Мы ведь с собой в экспедицию Паука брали, а не Рахмана.

– Да ладно, брось ты, – снова вступился за товарища Крот. – Вон уже сколько подняли. Если одно только оружие реализовать, все на Канары поедem.

– А я не хочу, чтобы этот крыс за мой счет балду гонял. Пусть идет завал разбирает. Он для этого уже достаточно выздоровел. Вчера мы все это видели.

– Я согласен с предыдущим оратором, – вступил в разговор Боцман. – От каждого по способностям, каждому по труду. А что сделал Паук? Сожрал всю тушенку и сгущенку? Сказку красивую рассказал?

– Он эту экспедицию придумал. Он пещеру нашел.

– Так то Паук, а тут Рахман.

– Идею дал Паук, не спорю, – продолжили Боцман, – а экспедицию собрал Бригадир. Деньги нашел, оборудование. Нас подтянул. Безопасность обеспечил. И со сбытом тоже мы решать будем. А в отношении пещеры, так тот шкурник Бригадир нарыл. Просто по габаритам не прошел. А этот крысеньш захотел ее скрыть. Так что о помощи тут речь не идет. Скорее о вредительстве. У нас на флоте за такие шутки под шконку загоняли. Добро бы годок был, а то карась аквариумный.

– Откуда в тебе столько злости, Боцман? – не унимался Крот. – Ты же с ним не первый год по разным дырам шарисься, из одного котла ешь, в одной палатке ночевал.

– С ним в одной палатке никто не ночевал. Брезговали. А в отношении остального хочу напомнить, что вы его на себе из этой чертовой дыры перли. Ночью. А потом два дня мух от него отгоняли и говно выносили. А крысеньш мало того, что хотел вас всех на реальные бабки кинуть, так еще вместо благодарности обматерил. А мне по уху съездил, так что до сих пор звенит. Хрен ему, а не доляху.

– Хорошо галдеть. Как бабы, ей богу, – резко сказал Бригадир. – Внизу будем решать кому чего. Сейчас другие заботы. Надо достать то, зачем шли. Паук сказал, что это в пещере. Плюс какой-то амулет костяной с синими камнями. Там наверняка есть еще что-то.

– А амулет он тоже просил ему отдать?

– Да, просил, – согласился Бригадир.

– Ну, естественно! Какой же уважающий себя шаман без ножа и амулета камлать будет! И еще, небось, сказал, что в пещеру без него ходить нельзя, поскольку там живет северный пушной зверек, а песок в тундре зверь уважаемый и только шамана слушается. За остальными он гоняется и съедает заживо.

– Ну, если честно, то примерно так и сказал. Но в чем-то я с ним согласен. В шкурник лезть пока опасно. Вчера Пикселя чуть не завалило. Надо вход укрепить и расширить по возможности, чтобы мы с Боцманом пролезли.

– Согласен, – поддержал командира Комар. – Я лично туда больше не полезу.

– Что, очкуешь?

– Очкую, – согласился Комар. – Я там такую змеюку видел, что теперь меня туда на аркане не затащишь.

– Ты с Пауком лбами не стучался? Откуда змеи? Тем более как ты рассказывал?

– Не знаю, но я видел, и туда не полезу.

– Не полезешь, не надо, – прервал Бригадир ненужный спор. – Я туда полезу. С Боцманом. Только вход расширить надо. Там совсем немного подработать и все.

Бригадир бросил в миску половник густого, дымящегося кулеша и сказал тоном, пресекающим все возможные возражения:

– Сейчас завтрак, потом собираем оборудование и через сорок минут все у входа в шкурник. Работы на сегодня много. В лагере остается Санек и Док. Док приглядывает за Пауком. Глыба по хозяйству. Боцман со мной.

Глава 6

Олег Сергеевич Василенко, в народе носящий кличку Боцман, стоял у черного провала узкой шхеры, в которую в скором времени ему придется спуститься вместе с Бригадиром. Ребята почему-то отказывались туда идти и даже согласились специально расширить проход, чтобы только не переться в окаянную пещеру. Бригадир, как положено командиру, должен пойти туда сам. И кому, как ни его лучшему другу сопровождать его в этом опасном предприятии.

Боцмана с Бригадиром связывала давняя и долгая история. Их деды воевали вместе и были закадычными друзьями. После войны оба осели под Бердянском в колхозе Красный Луч. Там у них родились дети, погодки. Росли фактически вместе, как братья. Вместе бегали на рыбалку на море, вместе дрались с обнаглевшими отдыхающими, вместе мечтали о море, дальних странах, невероятных приключениях. Потом их пути разошлись. По окончании школы отец Бригадира решил на полную катушку использовать преимущества социалистической системы образования, а именно доступность и бесплатность, и рванул в Москву, чтобы поступить в МГУ на биологический факультет. И поступил. Пусть не сразу, а после положенного срока службы в рядах Вооруженных сил СССР, но поступил. После чего на долгие годы пропал из поля зрения родных и близких в недрах многочисленных биостанций, щедро разбросанных в самых непроходимых закутках необъятной советской Родины.

Отец Боцмана, проводив друга, не стал долго затягивать со своим отъездом, а собрал чемодан и умчался на Дальний Восток, где поступил в мореходное училище. После мореходки работал на различных судах Дальневосточного пароходства. Тогда же в жизни Боцмана старшего обозначились две страсти: к алкоголю и к женщинам. На берегу он жил недолго, но с размахом, щедро прогуливая все то, что заработал за месяцы изматывающей борьбы с судовыми механизмами и производственным планом. Приняв на грудь, он немедленно становился негнбаемым идейным бойцом эротического фронта. В зону его внимания попадали все особи женского пола старше 16-ти и моложе египетского сфинкса независимо от цвета кожи, гражданства и вероисповедания. При этом внешние данные, как, впрочем, и внутреннее содержание не имело никакого значения. Единственной важной характеристикой являлось гендерное происхождение. Мужчины его не интересовали. И это была принципиальная позиция.

В рейсах с выпивкой было плохо. Капитаны в борьбе за сохранение трудовой дисциплины ограничивали доступ к спиртосодержащим напиткам. Поэтому пить приходилось все, что горит от лосьона «Розовая вода» до стеклоочистителя «Секунда». С женщинами на судах тоже было не очень, а бурлящая первородная энергия требовала выхода, поэтому однажды, после приема очередной порции денатурата, он утратил чувство самосохранения и покусился на святое – буфетчицу Ирочку, которую капитан Назаренко небезосновательно считал своей личной собственностью. В общем, с Ирочки все и началось. Капитан, надо отдать ему должное, дважды предупредил своего эротически неводержанного стармеха о недопустимости аморального поведения. Тот не внял, и в результате был списан на берег по дискредитирующей статье. С такой записью в трудовой книжке найти себе новый экипаж было проблематично. Бравый моряк застрял на берегу. От столкновения с бюрократической машиной он окончательно утратил веру в гуманизм и однажды, находясь в похмельном угаре, применил меры физического воздействия к первому помощнику капитана, в очередной раз отказавшегося взять его на борт. В результате возникшего разногласия первого помощника увезли в больницу, а отца Боцмана в суровый Магаданский край расширять горизонты социализма. Тяжелая среда обитания безнадежно наложила свой отпечаток на отставного моряка. В результате общество получило то, чего добивалось. Из всех предыдущих достоинств остались лишь тяга к приключенческой литературе и философское отношение к жизни. Из восторженного романтика и искателя

приключений он превратился в тихого среднестатистического гражданина, из любимца женщин в их почитателя, из безбашенного балагура и души любой компании в домашнего пьяницу, из механика «от Бога» в слесаря в автомастерской. Его единственный сын Олег унаследовал от отца буйный нрав и тягу к приключениям. Проявление других родовых генетических особенностей давилось на корню вплоть до достижения им совершеннолетия. Можно только удивляться и восхищаться находчивости и силе воли отца, который умудрился уберечь свое чадо от встречи с зеленым змием, в то время как к основной массе населения этого благодатного края змий заползал ежедневно, а к некоторым вместе со своей спутницей белочкой. Картина будущего представлялась весьма печальной, и Олег, став почти дееспособным, решил поднять паруса и рвануть на юг. Во Владивостоке у него проснулся ген любви к морю, и он нанялся на ближайший теплоход простым матросом. Морское дело понравилось, да и приносило неплохой доход, в основном за счет торговли японскими автомобилями. За несколько лет Олег сумел неплохо подняться по карьерной лестнице и дослужился до боцмана. Женился. Начал подумывать о продолжении рода. Все шло хорошо до тех пор, пока он соблюдал добровольный алкогольный целибат.

Вышло так, что однажды, перед отходом в очередной рейс соседка по лестничной клетке тетя Зина, противная, еще не старая женщина с явными следами многочисленных грехов молодости на одутловатом лице, посоветовала ему расширить дверной проем, поскольку скоро рога там помещаться не будут. Не то чтобы Олег сразу поверил старой сплетнице, но как говорится, осадок остался. Зацепили ее слова, запали в душу. В рейс он уходил с тяжелым сердцем, и попросил друга проследить за супругой. К сожалению, оперативные данные информантства «одна баба сказала» подтвердились полностью. Крушение идеалов происходило в маленьком ресторанчике с многообещающим названием «Япона мать». Носить рога Олег почему-то не хотел, отпилить не получалось, слишком очевидными были доказательства, все забыть и сделать вид, что ничего не было, уже нельзя. Надо было принимать решение. И тут Олег совершил Ошибку. Он позволил уговорить себя выпить. Грехопадение оказалось весьма приятной штукой. Олег прислушался к своим ощущениям и заказал еще. Очередная порция ледяной жидкости, произведенной путем смешивания этилового спирта с водой из-под крана в подвальном помещении ресторана с добавлением для улучшения вкусовых характеристик пойла «секретного коктейля» дяди Ашота, опрокинулась в бурлящий кратер вулкана Судьбы. Алкоголь быстро проник во все поры, окончательно преображая его личность. Боль, гнев, обида, жалость к себе и другие негативные эмоции, возникающие обычно у самцов в период первичного отрастания рогов, усиленные папиными генами, бурлили и искали выхода. Он почувствовал себя взлетающим с палубы истребителем. Внутри бурлило реактивное топливо с вкусовыми добавками от «дяди Ашота», из разверзнутых сопел вырывались разогретые газы, бортовой компьютер отдавал четкие приказы, компас указывал направление движения.

А потом он посетил жену, которая сначала обрадовалась, а потом загрустила и заболела. Сильно заболела: перелом челюсти и носа. Она оказалась весьма любвеобильной личностью, поэтому ее заболевание оказалось заразным и быстро распространилось на прилегающие районы. В течение недели еще три человека заболели переломами и сотрясениями мозга различных степеней тяжести. Два из трех пострадавших оказались членами уважаемой преступной группировки Равиля. Для купирования очага заражения сам Равиль собрал консилиум из ведущих реаниматологов и приказал им найти заразу и обезвредить. Именно тогда Боцман и получил свое прозвище с легкой руки уголовного авторитета. Не желая встречи с реаниматологами, Боцман покинул ставший родным Владивосток и перебрался к отцу в суровый Магаданский край. Теплолюбивые бандиты ехать за ним отказались. Решили, что санации города и окрестностей вполне достаточно. Отлавливать злополучный вирус на заснеженных просторах лесотундры было делом муторным и малопривлекательным. Словом, от Боцмана отстали, но предупредили, чтобы он на материке не появлялся. Боцман с доводами согласился, справедливо

рассудив, что быть живым на Севере лучше, чем мертвым на Юге. Он устроился на ближайший золотодобывающий прииск и начал новую жизнь. И все бы было хорошо, если бы зеленый змий, однажды проникнув внутрь во Владивостокском ресторане «Япона мать», не отложил яйца и не вывел потомство. Мест для организации массового досуга, как, впрочем, и других средств для личностного совершенствования на прииске не было. Посему вариантов прожигания свободного времени было не много. Новые друзья и приятели практически каждый день приносили сосуды с согревающей жидкостью, все глубже и глубже погружая Боцмана в пучину похмельной безысходности. Нельзя сказать, что Олег сразу сдался. Нет. Он боролся, пытался вырваться из этого мутного омута. Дважды при помощи женьшень. Но оказалось, что зеленому змию не подошли обручальные кольца Боцмана. На осознание сего удручающего факта Боцману в первый раз понадобился год. Ну а второй раз значительно меньше. Находясь в плену у Бахуса, он умудрился соблазнить арфистку прямо во время свадебного застолья. Жена не смогла оценить по достоинству подвиг новоиспеченного супруга и позвала своих братьев. Выписавшись из больницы, Боцман покинул негостеприимный прииск и снова уехал к отцу в Магадан, где и продолжили обижаться на весь мир излюбленным способом. Короче, он запил. Вот тогда отец Боцмана обратился к своему названному брату – с просьбой о помощи. Отец Бригадира откликнулся на призыв и взял Боцмана в свою северную экспедицию. Именно в этой экспедиции Боцман познакомился с Русланом Анатольевичем Бригадным. Необходимо отметить, что сначала Олег Руслану не понравился. Плотный, гориллоподобного вида крепыш, сплошь покрытый волосами и татуировками, мало у кого вызывал симпатию. Он был груб, резок, мелочен, придирчив и агрессивен. Людей он не любил в принципе. Во всех, даже в самых возвышенных поступках он был склонен видеть корысть, прагматизм, или, на худой конец, наличие вынуждающих обстоятельств. Но отступить было поздно. Слово – оно на то и Слово, чтобы его держать, и Боцман на долгие пять месяцев влился в небольшой коллектив исследователей Севера.

Надо отметить, что через некоторое время, благодаря развитым организаторским способностям, а также врожденной педантичности, вниманию к мелочам и бережливости, Боцман заработал высокий авторитет и стал незаменимым помощником при подготовке переходов, мероприятий по снабжению, связи и других организационных вопросов. Буквально через неделю пребывания в заснеженной белой пустыне среди льдин и торосов он изменился: стал добрее, улыбчивее, прекратил раздражаться по малейшему поводу, из глаз ушла тревога. Кажется, что вырвавшись из суматошного города с его броуновским движением людей, галдящими детьми и отсутствием четкого распорядка приема пищи, он обрел душевный и физический комфорт и чувство осмысленного существования.

А потом произошло событие, которое в корне изменило отношения Боцмана и Бригадира и определило их судьбы на долгие годы. Вышло так, что на обратном пути они оторвались от общей группы и попали в жуткую метель. Видимость ноль. Кричать бессмысленно, только легкие отморозишь. Кругом сплошь непроницаемая ледяная крошка, ветер, холод... на лагерь они вышли через три дня. Вернее вышел Боцман. Он упрямо шел по белой равнине, таща за собой бесчувственное тело товарища. Жив Бригадир или нет, он не знал. Он тащил, из принципа, по понятиям. Так надо. Так правильно. Иначе он не мог. Пальцы замерзли. Он их не чувствовал. Совсем. Перед глазами расплывались круги. Из чувств и эмоций осталось только воля, железная воля человека, презревшего смерть. Измученный организм кричал об отдыхе, умолял хотя бы бросить лишний груз и идти налегке, но Боцман не сдавался. Он упрямо вдергивал ноги из снега как из зыбучих песков, делал два коротких шага и подтягивал тело друга. Так их и нашли. Измотанных, обмороженных, но странным образом еще живых. С тех пор судьбы Боцмана и Бригадира сплелись в плотный клубок. Он участвовал во всех проектах, включая самые рискованные и сомнительные. Особенно в рискованных и сомнительных. И, надо отметить, ни разу не подвел.

Вот и сейчас, Боцман смотрел на расширяющийся вход шкуродера и готовился туда нырнуть вслед за товарищем. Его душу разрывали сомнения. С одной стороны, что-то неумолимо влекло туда, тащило, звало. С другой, интуиция кричала об опасности. Будь его воля, он бы туда в жизни не полез, но в том то и дело, что он себя уже не контролировал полностью. Уже пару дней как в нем как будто поселился кто-то. Кто-то чужой. И этот чужой с каждым днем все больше перехватывал рычаги управления за телом Боцмана. Это сильно нервировало. Боцман сам не понимал, почему он вчера бросился на Паука. Зачем поощрял Саньку в его нападениях на парня, которого всегда защищал. С чего вдруг у него возникла такая острая неприязнь в отношении Коли Паукова, самого безобидного члена команды. Почему возникла странная тяга к Саньку, которого он до этого терпеть не мог, и, что еще удивительнее, почему он стал позволять Саньку отдавать ему распоряжения? Вот и сейчас, он практически уверен, что Бригадир не вернется из пещеры, но почему-то не останавливает его, а наоборот, ждет неизбежной смерти друга с какой-то необъяснимой радостью.

– Все, Бригадир, хорош, перекур, – раздался голос Крота.

– Ты что?! – возмутился Санек. – Там совсем чуть-чуть осталось. Давайте закончим, а потом жрать пойдете.

– Там не так уж и чуть-чуть, – возразил Крот. – А еще надо свод укрепить. Опасно. Пиксель с Каа сейчас вылезут и подтвердят. Да и конфеты (*прим.: Конфета – закладка со взрывчаткой при проведении проходческих работ в пещере*) у нас кончились. А надо бы еще малость. Иначе твой зад не пролезет.

– И давно это ты о его заде беспокоишься? – ехидно поинтересовался Санек. – Боцман, я б на твоём месте присмотрелся бы к этому любителю филея повнимательнее.

– А что ты суетишься, – пропустил мимо ушей подначки Саньку добродушный Крот. – Сегодня все равно не успеем. Там еще дорожку шлямбурить.

– Брось, спитами (*прим.: Спит – один из элементов станции при навеске пещер и скал, непосредственно находящийся в теле скалы. Не требует предварительно подготовленного отверстия для закрепления, благодаря своей головке-коронке является самопробивающим*) обойдемся. Сегодня надо сделать.

– К чему такая спешка? Нас что, гонит кто-то? Без нормальной точки страховки (*прим.: Линия (точка) страховки – общее название снаряжения для работы с веревкой. К ним относятся зажимы, спусковые устройства, усы. Линии страховки должны быть независимы друг от друга*) туда забрасываться нельзя. За сегодня все не сделаем. К тому же без нормального света не найдем ни хрена, а у Каа с Пикселем рантайма не хватит.

– Говорил же, что литий брат надо.

– Да и жрать охота, – вступил в разговор Каа, выбравшись из шкурника.

– Так жри! Кто мешает! – Санек заметно занервничал. – Сегодня надо!

– Действительно, в чем проблема, парни? Консервы есть. Перекусили и вперед. Что тянуть-то?

– А чайку? – подал голос появившийся Глыба. – Я горячего хочу. Замерз как собака. Там воды откуда-то натекло. Еще вчера сухо было. У меня кордура промокла.

– Да, горячего сейчас не помешает, – мечтательно произнес Пиксель. – Надо в лагерь.

– Так подогрей! – Санек перешел на повышенные тона.

– Горелку забыли, – нагло улыбнулся Глыба прямо в лицо Саньку. – Сбегаешь?

– Ты же брал? – удивился Боцман.

– Ну, брал, а потом выложил. Так что, Санек, сгоняешь? Ты все равно ни черта не делаешь, а тут хоть какая-то польза будет.

– Не царское это дело, – поддержал товарища Каа. – Он папе пожалуется, тот холопам прикажет, а они принесут.

– Чтобы вас делом заставить заниматься мне папы не надо. Сам отшлепать смогу.

– Ух, какие мы грозные! Тебя вчера Паук прилюдно рожей в навозе вывалял. Мало тебе?

Словесная перепалка довольно быстро приобрела всеобщий характер и в какой-то момент переросла в драку. Бригадир вмешался, но сделать по большому счету у него ничего не получалось. Вдруг гора затряслась. Послышался треск, шум падающих камней, крик, полный боли и отчаяния.

– Пиксель! – закричал Каа. – Там Пиксель!

Склока моментально прекратилась. Все бросились к завалу. Только Санек остался у входа, зажимая разбитый нос.

Завал разбирали дружно, молча и сосредоточенно. Через полчаса работы услышали стоны и ругательства Пикселя.

– Живой! – радостно воскликнул Бригадир. – Поднажмем. Жив он!

И они поднажали. К вечеру завал был полностью расчищен, раненого Пикселя вытащили из пещеры. Ему повезло. Кастрюля (*прим.: каска (жарг.)*) помята, кордура порвана в клочья, сам весь ободран, но серьезных повреждений нет. Только нога сломана, но это лечится. С огромной осторожностью Пикселя спустили в лагерь и поместили в лазарет. Док осмотрел его, вколол обезболивающее, наложил шину и сказал, что жить будет, но его надо домой в течение недели.

– Закругляться надо, Бригадир, – заявил Док. – Дня через два край на сброску надо (*прим.: Сброска* – возвращение на грешную землю после экспедиции, т.е. к людям).

– Согласен, Док. Так и сделаем. Все свободны. По задачам. Сбор через час за столом. Будем решать, что дальше делать.

Разведя конфликтующие стороны, и нарезав каждому участок работ, Бригадир отправился искать Паука. Шел он с тяжелым сердцем. На душе скреблись кошки. Он их душил, как мог. Кошки орали, но не сдавались. В поисках истины он направился к Пауку. Он не мог рационально объяснить, почему он это делает, но что-то подталкивало его к сумасшедшему товарищу. Что-то внутри него говорило, что ответы на свои вопросы он должен искать в его бреднях.

Паука он нашел сразу за лагерем у большого валуна, на котором был выбит очередной сложный узор. Этот валун они обнаружили давно, когда только принимали решение о месте стоянки. Только рисунок тогда был почти не заметен. Теперь Паук его обновил, облагородил. Вообще все место выглядело по-другому. Николай расчистил от камней площадку вокруг валуна. Собранные камни сложил аккуратными пирамидками по границам зоны. На каждой пирамидке был нанесен какой-то свой знак. Все было выдержано в едином строгом мистическом стиле. Пахло глубокой стариной, тайной, магией.

– Тебе тоже нравится? – спросил Паук, не оборачиваясь. – Печать Велеса (*прим.: Как правило, выполняется в форме медвежьей лапы*). Мастер делал.

– Красиво, – согласился Бригадир. – Коля, объясни, что происходит, почему все как с цепи сорвались.

– Уже началось?

– Что началось?

– Кинжал отдай.

– Не отдам. Нет его у меня.

– Врешь. Он с тобой.

– Откуда знаешь?

– Чую. Я же говорил, что он это я.

– Ну, так ты скажешь, что происходит?

– Я говорил уже, они проснулись, они голодны, хотят крови. Не надо было ходить к пещере. Там они сильнее. Драки были?

– А ты откуда знаешь?

– Значит были.

– Да, – нехотя согласился Бригадир. – Санек с Глыбой друг другу носы поразбивали, да еще Боцман кого-то задел. Странно, три года таким составом ходим. Не то что драк, ссор даже не было. А тут...

– Это Гончие. Они питаются страхом и ненавистью. Плавают в них как акулы в кровавой воде. А травмы, смерти были?

– Типун тебе на язык во всю задницу. Даже думать так не могли. Хотя Пикселя завалило. Но он жив. Только нога сломана.

– У тебя хорошая команда, Бригадир. Всего одна драка и даже убить никого не смогли. Они еще слабы. Уходить вам надо. Немедленно. Сегодня ночь Жнеца. Сегодня они заберут первую жертву.

– Сегодня мы никуда не уйдем. Кто заберет? Кого? Как?

– Зря. Завтра заберут всех остальных.

– А ты? Ты то что не бежишь?

– Тебя убьют, я заберу Кинжал. Он мой. Без него не уйду.

– То есть нас убьют, а ты останешься?

– Даже в этом теле и без Кинжала я продержусь дольше вас всех вместе взятых. А потом возьму Кинжал.

– Да что ты заладил, кинжал, кинжал... Зачем он тебе?

– С Кинжалом я загоню их обратно. Хотя с каждой минутой это сделать все труднее. Завтра может и не смогу уже, но шансы на выживание увеличиваются многократно.

– Так значит с этим ножом и я смогу уйти?

– Ты нет. Кинжал мой. В нем моя кровь, он тебя не слушает.

– Кто они? Что хотят?

– Я видел на тебе ромейский крест. Значит для тебя это бесы. Там их много. Есть Гончие, есть Всадники, есть даже Ящер. Они все разные, но их всех объединяет страсть к убийству и разрушениям. Все ссоры и травмы от них. Они пока слабы и убить не получается. Но сегодня ночь Жнеца. Сегодня они попробуют забрать душу. Если у них получится, то завтра придут за остальными.

– Откуда?

– Из мира Нави. Часть я привел, часть сами вылезли. Тут Переход есть не закрытый как должно.

– Ты привел?!

– Я.

– Какие интересные у тебя галлюцинации! А ты не мог привести что-нибудь подбробнее.

– Так я на войну шел. Брал под задачу. Вам повезло, что моих помощников развоплотили еще у подножья.

– А ты?

– А меня убили. У Алтаря. Тем самым Кинжалом. До конца убить не смогли. Душа в Кинжал перетекла.

– Все-таки ты нашел там грибы! Я-то думал, ты с наркотой завязал. Я к тебе за советом шел. Думал, что ты единственный, кто голову холодной сохранил. А ларчик то просто открылся...

Бригадир сплюнул, развернулся и медленно зашагал по направлению к лагерю.

– Что я прав, ты завтра увидишь, – произнес ему в спину Паук. – А совет тебе мой таков: к пещере больше не ходи, оружие все спрячь, даже ножи кухонные, Кинжал носи с собой. Главное, его Саньку не давай, ни при каких обстоятельствах. Он обязательно постарается завладеть. Нельзя допустить. На нем Всадник. Когда начнется, беги сюда. Я прикрою.

Бригадир не ответил, даже не обернулся. Чувство глубокого разочарования охватило его. А еще злость, неконтролируемая злость на ситуацию, на Паука, на ребят, на самого себя. Злость от осознания собственной беспомощности. Он кожей ощущает нависшую опасность, но не понимает ее источника, а посему не способен защитить своих товарищей. Он пришел за помощью, надеясь в шизоидных бреднях изгоя, отыскать рациональное зерно, нестандартный ключ, парадоксальное решение, выход... Но, все напрасно. Паук окончательно утратил связь с реальностью. Но это не его вина, а его беда. Надеяться на его помощь было глупо изначально. Утопающий схватился за соломинку, та ожидаемо сломалась. На кого обижаться? Вот только безумные слова стукнутого товарища от чего-то въелись в мозг и не давали покоя. Бригадир боролся с собой, но где-то в глубине сознания помимо его воли пульсировала мысль о том, что иногда все могут идти не в ногу, и только один в ногу.

Глава 7

Геннадий Борисович Куцик, в далеком прошлом боец СОБР МВД России, потом бандит, удачливый киллер и ночной кошмар олигархических кланов, а ныне помощник народного депутата, главный специалист по решению проблем деликатного характера, обладатель звучного емкого позывного «Спец», сидел, прислонившись к неровному стволу кривого уродливого дерева. Только что он получил сигнал о том, что порученная ему группа завтра снимается с места. Это значит, что у него есть всего сутки на подход, разведку и подготовку операции. Это значит, что ему надо срываться и нестись, сломя голову, по солнцепеку. За день надо сделать полуторный марш-бросок, а потом полночи аккуратно подкрадываться к стоянке, чтобы не спугнуть туристов. Это значит, что у него дефицит времени на разведку, а следовательно, решение надо будет принимать на ходу и в дальнейшем ориентироваться по ситуации. Этого Спец не любил. Он вообще не любил торопиться и предпочитал действовать после тщательного обдумывания каждой мелочи. Это не значит, что он не умел импровизировать – вся его жизнь была сплошной импровизацией. Жизнь постоянно ставила в ситуации, когда требовалось оперативное принятие быстрых решений и неотложных, действий. Однако большинство этих импровизаций казались импровизацией лишь на первый взгляд. На самом деле они являлись следствием глубокой проработки вопроса. «Не зная броду – не суйся в воду», – любил говаривать он. Эта скрупулезность, способность структурировать, эффективно организовывать пространство, время, деятельность, не теряя попусту ресурсов, помноженная на жесткий самоконтроль и дисциплину, не раз спасала жизнь ему и его людям. И вот сейчас его практически лишают его любимой игрушки: изучения, планирования, инструктажа, и заставляют действовать быстро, «по обстоятельствам». Спецу изначально не нравилась вся эта затея, но есть предложения, от которых невозможно отказаться. А уж кто-кто, а Барин убеждать умеет. Вот и уговорил. А чтобы было полегче, еще пару своих отморозков придал с профессионально карающим взглядом. На таких посмотреть страшно, не то что спиной повернуться. Ну ничего, своих все равно больше, и они тоже не мальчики из Пионерской зорьки. Легкое раздражение быстро переросло в злость. Если так пойдет дальше, он этих туристов сам прибьет. Своими руками. Так красиво и элегантно все хотел провернуть. А теперь... Со смачным хлопком Спец закрыл планшет и свистом подозвал помощников. Два дюжих, крайне неприятных на вид молодца поднялись со своих мест. Шеф явно был не в настроении, а значит возражать или хотя бы сомневаться в целесообразности его приказов чревато серьезными неприятностями.

– Тренер, звал? – спросил Малыш, преданно заглядывая в глаза.

Малышом его нарекли в колонии, еще по первой ходке. Там не стали особо заморачиваться, изобретать велосипед, а сработали грубо, на контрасте. Обладатель столь невинной клички был высок, под два метра ростом, и могуч. Лицо крупное. Нижняя челюсть тяжелая, как у коня, и выдвинута вперед. Пара маленьких глаз под низким лбом смотрят с бешенством. Нос сломан, по крайней мере, трижды. Рот широкий, как у жабы, но губы белые и настолько тонкие, что рот выглядит почти безгубым, как щель в почтовом ящике. Его напарник был похож на Малыша как брат. Да и погоняло созвучное – Гном. У обоих за плечами трудное детство, спортивная школа-интернат, звание мастера спорта по боксу, по две ходки на брата в места не столь отдаленные и стойкая репутация конченных отморозков. Несмотря на годы, проведенные под скупым северным солнцем, им удалось сохранить отменное здоровье. Стремление убивать со временем не пропало, а, наоборот, переросло в физиологическую потребность. В свое время их обоих практически с того света вытащил Спец. С тех пор они были рядом и служили ему верно и преданно. Ну, а вопросов они не могли задавать в принципе, не их стезя, что Спеца вполне устраивало.

– Малыш, Гном, поднимайте ребят, через десять минут выдвигаемся. Туристы решили завтра сливаться. У нас на все про все сутки. Так что руки в ноги и побежали. БК (*прим. боекомплект*) весь берем. По полной. И не ныть. Все ясно? Тогда по коням.

Глава 8

Солнце опустилось за край. Из воздуха очень медленно начал уходить зной. Чистое синее небо незаметно темнело, превращалось в грозное фиолетовое, а бледный серп луны налился зловещим светом, заменил живое оранжевое солнце – солнцем вампиров, мертвецов и утопленников.

По-кошачьи тихо ступала волчьеглазая ночь. Где-то за деревьями кричали непривычно жесткими металлическими голосами ночные птицы. Никому не было спасения от ночи. Большинство людей покорялись ей, и люди засыпали, кто с тревогой, кто с надеждой. Но не до сна было Пауку. Тяжелые думы, нехорошие предчувствия, предательский страх мягкими совиными крыльями холодили душу. Но он гнал этот страх прочь, смелее вглядываясь в темноту, прислушиваясь к крикам, доносящимся со стороны лагеря. Он понимал, что один, без Кинжала, да еще в этом ничтожном теле, он может не справиться. Но у него, в отличие от остальных, хотя бы был шанс. Он знал, с кем имеет дело, и мог побороться, хоть и с невысокими шансами на успех. Остальные же слепы, а потому беззащитны. Бросить их, значит обречь на верную смерть. Даже хуже, чем смерть. Это подло. Паук еще мог постараться удрать. Рахман нет. Он все подготовил и ждал, надеясь, что Бригадир не подведет.

Шум за бугром нарастал. Скоро там станет совсем жарко. Только бы он успел. Крики стали отчетливей. Особо выделялся визгливый голос Санька, полный злобы и ненависти. «Давай, давай, пора. Не тяни» – молил про себя Рахман. Вдруг он услышал звук быстро приближающихся шагов. Из-за камня появился Бригадир. Он быстро шел, почти бежал, постоянно озираясь, а приблизившись буквально выпалил:

– Николай, помогай. Я не знаю, что твориться, но готов поверить хоть в черта, лишь бы прекратить этот кошмар. Они готовы перегрызть друг другу глотки. Еле сдерживаю. Хорошо хоть оружие спрятал.

– Кинжал отдай, – перебил Паук.

– Возьми, – Бригадир вытащил из-за спины черный клинок и отдал Пауку. – Ты был прав, Санек его искал, а когда не нашел, начал на меня народ науськивать. Даже Боецман напал...

Паук его не слушал. Он лишь презрительно фыркнул, потом осторожно, с благоговением взял Кинжал, поднес его сначала к губам, потом поднял к небу, потом приложил к груди. Затем резким движением нанес себе порез в районе предплечья, обмакнул лезвие в кровь и начал быстро чертить какие-то знаки на камнях, которыми была вымощена площадка перед булыжником. При этом тон ритмично покачивался и пел заунывную песню на неизвестном языке. Его песня была прервана истерическим воплем Санька:

– Вот он, вуду недобитый! Ты, командир, нас на него променял! На крысятника! Братцы, посмотрите, он ему и нож отдал. Это наш то нож! Предатель!

Ребята зло загалдели.

– Быстрее Паук, беги! – крикнул Бригадир. – Я их задержу.

– В круг, живо, – жестко скомандовал Паук, не двигаясь.

Бригадир отступил в круг. Паук продолжал что-то рисовать. Парни угрожающе приближались. Когда они были в метре от круга, Паук резко вскочил, вскинул клинок вверх и нечеловеческим голосом выкрикнул древнее заклятие. По близлежащим скалам раскатилось гулкое эхо. Все застыли как оглушенные. Бригадиру показалось, что время остановилось, ветер внезапно стих, пропали все звуки и запахи. Воздух стал густым и горячим. Вязкая тьма обступила людей. Вдруг прямо перед Пауком ярко вспыхнул костер, разрывая ночь. От Круга в разные стороны брызнули извилистые тени. Бригадир поднял глаза и отшатнулся. Те, кого он знал ни один год, с кем делил кров и пищу, кого, не кривя душой, мог назвать своими друзьями, застыли в шаге от него с искаженными бешенством и жадой крови лицами. В отблесках кол-

довского костра его недавние друзья казались монстрами. Мгла окутывала их плотной пеленой, собираясь складками, меняя их формы. Особенно выделялся Санек. Его некогда аристократическое лицо перекосила гримаса ненависти и запредельной злобы. Глаза покраснели и вылезли из орбит, на губах пузырилась пена... Вокруг носились странные тени, тянули свои нити, похожие на грязные, скрюченные пальцы.

Паук неожиданно быстро выступил вперед и одним движением начертил в воздухе фигуру, напоминающую больного осьминога, послал ее вперед. Одновременно он резко рубанул кинжалом крест-накрест. Фигура начала дымиться, распрямилась, раскинула щупальца и накрыла тени. Те вдруг задергались, начали расплзаться на части и рваными лоскутами исчезать в темноте. Неожиданно из-за головы Санька взметнулось нечто большое, черное, жуткое и прыгнуло на Паука. Тот не растерялся. Его клинок начертил светящуюся извилистую линию, похожую на змею, и когда тень коснулась змеи, он коротким и точным движением отсек ту часть линии, где должна быть голова змеи. Страшно закричал Санек. Тень дернулась и перетекла в клинок. Паук выпрыгнул из Круга, подскочил к Саньку и отрезал у него прядь волос в районе макушки. Санек немедленно потерял сознание и рухнул на землю, будто у него вытащили все кости. Все зашевелились, с лиц сползли маски ненависти. Друзья стали виновато озираться и спрашивать друг друга о том, что тут произошло. Сразу пошел дождь. Постепенно всех охватила апатия. Из них словно выдавили все эмоции и желания, оставив лишь жалкую оболочку из мяса, костей и разных жидкостей. Они безвольно сели прямо на камни и тупо таращились на догорающий костер.

– Паук, помоги довести их до лагеря, – то ли приказал, то ли попросил Бригадир.

– Зачем? Посидят немного, костер догорит, сами разбредутся. Ну а нет, так поспят на свежем воздухе. Откат – дело интимное.

– Не гоже на голых камнях валяться. Холодно. До палаток пятьдесят метров. Давай туда отведем.

– Нет. Уроком будет. Старших слушаться надо.

– Ну и хрен с тобой, я сам. Помоги хотя бы Санька оттащить. Тяжелый, гад.

– А этого лучше убей. Чем быстрее, тем лучше. Голову ему отрезать надо. Но не здесь, а вон там. Там место есть... сильное... Я смогу подготовить. Он нас еще и сторожить будет.

– Ты че несешь?!

– Ааа... Крови боишься. Тогда оставь. Я сам. Только от Слова меня освободи.

– Какого Слова?!

– Я тебе обещал, что не трону людей твоих.

– Ну уж нет, брат. Не освобожу. Наоборот, поклясться заставлю еще раз.

– Не стоит. Я уже обещал. Второй раз клятвы не даю.

– Убить Санька! Да как у тебя вообще язык повернулся такое сказать?! Это все мои люди. Я их защищать должен!

– Ты не понимаешь, – резко оборвал Бригадира Паук. – Это уже не твой человек. Он вообще лишь отчасти человек. На нем Всадник был. Пес. Он никого не забрал, потому что за мной шел. Я его развеял, но канал закрыть не могу. Он сейчас беззащитен. Может подсесть другая сущность, только покруче. Намного круче. Тогда он уйдет и собой кого-нибудь заберет. Не думаю, что сегодня, но уйдет это факт. Так что оставь их всех тут, у камня. Так безопасней. А Санька убить надо. Сам не можешь, так мне не мешай.

– Нет, – жестко сказал Бригадир и достал из-за пояса пистолет. – Только прикоснешься к Саньку, пристрелю. Я сказал.

– Идиот, – Паук смачно сплюнул под ноги. – Сколько народу умереть должно, прежде чем ты поймешь, что ты не прав? Ты не понимаешь опасности. Не знаешь ни черта. Санек и есть смерть. Его надо уничтожить, пока он слаб.

– Отойди, – с холодной решительностью произнес Бригадир, взяв Паука на прицел. – Не подходи к парням. Пока я здесь, им никто не может угрожать. Даже говорить так запрещаю. Понял?! А теперь уходи и не приближайся ближе, чем на двадцать метров. Увижу – буду стрелять без предупреждения. Все ясно? Тогда пошел.

– Я уйду, – спокойный голос Паука резал уши. – Но ты знай, что сам выкопал могилу для твоих людей. Завтра ты поймешь, но скорее всего будет уже поздно. Люди погибнут. Твои люди. И это твой выбор. А пока не отпускай парней. Следи за ними. Приглядывай за Саньком и Боцманом. Он тоже, кажется, инфицирован.

Паук развернулся и бесшумно растворился в темноте. Бригадир остался стоять, оглушено оглядываясь. Новая жестокая и пугающая, но загадочная, а потому манящая реальность обрушилась внезапно, смешала мысли, чувства. Из глубин подсознания поднялась темная мусть первобытных страхов, инстинктов, предрассудков. Нарботанные годами подозрительность и прагматизм вступили в неравную схватку с природной любознательностью и тягой к новым знаниям и приключениям. На первом этапе победила ответственность. Навык, привитый недолгой, но тяжелой боевой походной жизнью, – «сперва люди – потом ты» – уже давно вошел в привычку и работал в автоматическом режиме. Бригадир подбросил в затухающий костер дров. Сходил в лагерь, проверил раненого Пикселя, притащил из палаток спальники и коврики, уложил на них товарищей, безвольными куклами, сгрудившимися у костра, подсунул коврик и укрыл спальником валявшегося чуть в стороне Санька, посидел немного, потом еще раз сходил в лагерь, откуда приволок большую охапку дров и большой походный чайник. Затем сел спиной к огню и стал ждать рассвета, прихлебывая из термокружки обжигающий пахучий травяной чай, до мелочей припоминая прожитый день. Черное молчаливое небо безразлично мигало желтыми, яркими звездами. Тишина, покой, умиротворение. Но постепенно в душу стало вливаться новое ощущение. Иррациональный страх тяжелым холодным камнем заворочался в сердце и в животе. Бессмысленный панический страх от чего-то таинственного, находящегося вне этого мира. Вернулась детская боязнь темноты, боязнь оставаться одному в темной комнате. Но он гнал этот страх прочь, смелее вглядываясь в темноту, пока не начал различать за синеватым расплавом тумана черные гребни вершин. В памяти всплыли слова отца: «Не поворачивайся спиной к своим страхам. Если боишься, встань и посмотри страху в глаза. Ожидание страха всегда страшнее самой реальности. Встреться со своим страхом, и он пропадет». Бригадир встал и решительно шагнул в темноту.

Он не прошел и пятидесяти шагов, как за его спиной материализовался Паук и тихо спросил прямо в ухо, заставив Бригадира подпрыгнуть от неожиданности:

– Не меня ищешь?

– Тебя, тебя, кого ж еще – проворчал Бригадир, злясь то ли на себя за проявленную слабость, то ли на Паука за дурацкие шутки, абсолютно неуместные в данной напряженной ситуации. – Ты что пугаешь? Так и зайкой можно остаться. Да пес с ним с зайкой. Я тебя пристрелить мог с перепугу. Ты ж видел, ТТ у меня, это не игрушка. Дырку сделаешь, потом не заплембируешь. Ты вообще думай, что делаешь, а то ходит как приведение. Пугает...

– Чего хотел? – перебил Паук.

– Хотел узнать подробнее, что это за Хрень, откуда и как с ней бороться.

– Я тебе говорил. Бесы это, по-вашему. Разные, но все злые. Хотят нас к себе забрать.

Санек где?

– Да спит он.

– Уверен?

– Уверен, я проверял.

– Пошли, еще раз проверим. Его нельзя без пригляда оставлять.

– Ну, пошли. Только обещай, что не будешь пытаться его убить. Иначе мне тебя пристрелить придется.

– Я уже обещал. Я мог это сделать сразу, но не стал, ибо дал Слово.

– Тогда пошли. Твои слова звучат дико, но другого объяснения я пока не вижу.

Они подошли к лагерю. Все оставалось по-прежнему. Костер горел ровно. Парни крепко спали, заботливо укрытые спальниками.

– Где Санек?

– Вон там, – Бригадир указал на валявшийся в тени спальник.

– А Боцман?

– Вон сопит. Аж с присвистыванием.

Паук недоверчиво огляделся, потом подошел к Саньку и бесцеремонно откинул спальник. Санька на месте не было. Вместо него валялось два булыжника и пенка.

– Ушел таки, гад, – расстроился Паук, – Проверь, все на месте?

– Все, – уверенно, ответил Бригадир. – Ну, еще Пиксель в лазарете. А так все.

– Пиксель? Пошли, проверим. Вернее ты иди, а я тут останусь. Мало что. Смотри в оба.

– Да куда Пиксель денется? У него нога сломана. И под реланиумом он, – проворчал Бригадир, уже направляясь в лагерь.

Паук остался. Внимательно осмотрел контур. Сдвинул всех ближе к костру. Обновил некоторые знаки.

Вскоре появился запыхавшийся Бригадир.

– Пропал Пиксель, – с ходу выдал он. – В палатке пусто. В лагере нигде нет. Я проверил.

– Пошли, посмотрим, – предложил Паук. – Тут парни в безопасности.

Товарищи быстро спустились в лагерь и заглянули в лазарет, затем в палатку Пикселя. Того нигде не было. Вещи остались нетронутыми. Даже налобник остался сиротливо лежать на полу. Паук внимательно осмотрел палатку и подходы к ней.

– Сам ушел. Один. Туда пошел, – Паук указал в сторону пещеры.

– Ты что несешь?! – возмутился Бригадир. – Куда он пошел?! И как? У него нога сломана. Он там просто не пройдет! Он, скорее всего, до ветру пошел и свалился. Сейчас лежит где-нибудь без сознания. Ему помощь нужна, а мы тут сопли жуем! Пиксель! Андрей! – громко крикнул Бригадир.

– Не кричи. Бесполезно. Нет больше Пикселя. Умер он.

– Ты опять за свое! У него нога сломана была! Он не мог умереть! От этого не умирают. И уйти сам он не мог!

– Пиксель мертв, – уверенно повторил Паук. – И ушел туда. Искать бесполезно, да и небезопасно. К тому же тут и падать особо негде. Сам знаешь. Ушел он. Завтра вернется.

– Ну и пес с тобой, – зло крикнул Бригадир и плюнул под ноги. – Не хочешь помогать, сиди тут, чакры свои прочищай. А Пиксель, между прочим, тебя тогда не бросил. Он тебя из пещеры на себе пер. Рискнул, но пер. И в калибру ту он за тобой прыгнул. Не знал, что там его ждет, не рассуждал, а просто прыгнул. А ты...

– Пиксель мертв, – упрямо повторил Паук. – Сейчас о живых беспокоиться надо.

– Да иди ты... – Бригадир еще раз плюнул, взял фонарь и ушел.

Паук посидел несколько секунд, закрыв глаза, потом встал, собрал вещи Пикселя. Зашел в палатку Санька, собрал его вещи. Все это он собрал в большой тюк, отволоч его к своему костру, облил керосином и поджег. Минут через сорок к нему подошел Бригадир, сел рядом и произнес упавшим голосом:

– Пикселя нигде нет. Дальше искать бессмысленно. С рассветом прочедем все внизу.

– Бесполезно, – тихо произнес Паук. – Он завтра сам придет... к вечеру. Только тебе он не понравится.

Бригадир замолчал и растерянно смотрел на Паука. В его мозгу столкнулись две реальности, два разных мира и никак не хотели укладываться в более ли менее понятную структуру. Его привычный мир, где все просто и понятно, а если не понятно, то, по крайней мере, прогно-

зируемо, мир, где все можно объяснить и предвидеть, исходя из простой логики и знаний физических законов, его материальный мир рушился как карточный домик. Есть такая настольная игра: из небольших брусков складывается башня. Каждый игрок по очереди вытаскивает из этой башни по брусочку, пока башня не развалится. Так вот сейчас он ощущал себя такой башней, из которой достали все возможные бруски, и она начинает распадаться на части. При этом внешне она еще выглядит солидной, устойчивой, но это лишь химера. Она уже разваливается. Внутренне напряжение уже перешло грань, когда еще возможно все вернуть на место, и башня уже обречена.

Виновник крушения, тот, кто вытащил последний блок из основания, нарушив устойчивость всей конструкции, стоял рядом и сосредоточенно смотрел в огонь. Он знал Паука несколько лет. Он его нашел, буквально вытащил со дна и сделал из него человека. Он видел его в разных ситуациях и всегда знал, что от него ожидать. А потом случилась эта история с ножом, и все. Паука не стало. Вместо него появился кто-то другой. Нет, не просто изменился характер, или проявились новые черты. Нет. Появилась другая личность, полностью отличная от психотипа Николая Паукова. Другой характер, темперамент, мысли, действия, физические реакции... Все другое. Бригадир раньше думал, что так не бывает. Он, конечно, слышал полубогатые, околонуточные истории подобного типа о серьезных изменениях личности особенно после черепно-мозговых травм, но сам такое видел впервые. Но если с Пауком и его диагнозом все более ли менее понятно, то как объяснить то, что он видел сам? Как объяснить поведение парней, бой с тенями, исчезновение Пикселя? Как объяснить всю эту мистику последних дней? При всем том версия Паука в его системе координат выглядит вполне логично. К тому же он сформулировал ее еще заранее и весьма точно спрогнозировал последствия. Почему Паук оказался единственным из всех, кто реально знал, что надо делать? Можно предположить, что после удара головой у него кроме прогрессирующей шизофрении открылись какие-то экстрасенсорные способности, и он действительно может видеть и чувствовать больше, чем нормальные люди. Версия, безусловно, интересная и ее можно взять за основную рабочую, все равно других логичных объяснений нет, но она не раскрывает и половины пережитых сегодня странностей. Бригадир решил оставить эту скользкую тему на более подходящий момент, но не удержался и спросил:

– Так ты значит не Паук. А как тебя называть-то теперь?

– Называй, как хочешь, – презрительно бросил Паук. – Мое настоящее имя Рахман, но Паук тоже здесь, так что зови, как нравится. Но ты не о том спрашиваешь.

– А о чем надо?

– Например, почему вы все еще живы. Ну, или как отсюда вывести хотя бы половину людей. Да мало ли чего?

– Что, все так плохо?

– Хуже, чем я думал. Их много, а я не могу их победить в этом теле. Все каналы загажены. Голова, как выгребная яма. А еще алхимией балуется. У вас тут все такие, или это мне бракованный попался?

– Не все, но я в тебя верю. Сегодня смог, значит, и завтра сможешь.

– Ты не понимаешь, сегодня была разведка. Завтра они станут сильнее и атакуют всерьез. Твои люди беспечны и слабы. Они не верят, а потому беззащитны. Каждый ушедший туда, – Паук махнул в сторону вершины. – Ослабляет нас и усиливает их. На Саньке был Всадник. Я предупреждал, его надо было убить. Теперь он большая угроза. Боцман, похоже, тоже инфицирован. Я бы его убил, на всякий случай.

– Ты опять за свое?! Я же сказал, нет!

– Я и говорю упертый. Ты из тех, кого пока мордой в дерьмо не ткнешь, не поверят. Я тебя про Саньку предупреждал, он ушел. С Боцманом такая же ерунда может приключиться.

– Что значит может? Ты не уверен?

– Нет, не уверен, – не стал отнекиваться Паук. – Я вроде срезал нить, но не уверен. На всякий случай я бы убил.

– Боцман – мой друг. Лучший. Даже думать не могли. До завтра с ним ничего не случится?

– До завтра нет.

– Ну а завтра мы... С Пикселем или без. Меня эта чертовщина достала уже. Уведу парней, а потом уже вернусь за Пикселем.

– Правильно, только поздно уже. К тому же у меня есть сильные сомнения...

– Какие еще сомнения?

– Понимаешь, у меня не складывается. На Саньке Всадник был. Пес. Голодный Пес. И он никого не загрыз. Он за мной шел. Целенаправленно.

– И что это значит?

– Это значит, что для него вы все уже мертвы. Для такой уверенности у него должен быть веский повод.

– А с чего ты взял, что ты был его целью?

– Ты все сам видел. Он меня атаковал, не кого-нибудь другого, хотя мог. Ну, тут-то все понятно. Я для них угроза. Реальная. В этом теле я слаб. Он полагал, что сможет меня одолеть.

– А он мог?

– Когда я с Кинжалом, нет. Он бросился от страха и отчаяния. А вот с вами загадка. Он явно знает больше, чем я, да, похоже, и ты. По его убеждению завтра вы все умрете. Что это может значить?

– Не знаю.

– Думай, командир, думай. До рассвета надо придумать.

Паук резко встал, подхватил фонарь и зашагал прочь.

– Иди к костру, постарайся уснуть. Завтра тяжелый день. Я проверю периметр и посторожу, – донеслось из темноты.

Паук бесцеремонно растолкал Бригадира рано утром. Первые лучи солнца разогнали морок. Земля просыпалась. Уже начали свою переключку ранние птицы, предрассветный туман уже облизал близлежащие скалы и стек в низины и лоцины, умыв росой травы и камни. Природа ждала нового утра. Пахло свежестью и прохладой.

– Вставайте, граф, Вас ждут великие дела, – с усмешкой произнес он.

Бригадир медленно открыл глаза, нехотно выныривая из теплой уютной дремы, как бы желая как можно дольше затянуть этот момент счастливого небытия. И вдруг подскочил, как ошпаренный. Воспоминания минувшей ночи обрушились на него сразу, как лавина. Сон мгновенно улетучился.

– Подъем, – заорал он командным голосом. – Подъем. Пиксель пропал. Все встаем на прочесывание местности. Встаем, встаем! Боцман, тебе отдельное приглашение. Полундра! Так, всем спокойно, это для Боцмана.

Он подходил к каждому, тряс за плечо, кричал в ухо, поливал водой из чайника. Парни с трудом разлепляли глаза, ошарашенно, непонимающе смотрели по сторонам, бормотали что-то невнятное. Некоторые тут же заваливались спать дальше. Их приходилось снова тормошить, пинать и встряхивать... Паук приволок большую флягу с водой и брызгал в лицо каждому, выкрикивая непонятные фразы. Это помогло. Минут через пятнадцать туристы обрели способность воспринимать объективную реальность, данную им в ощущения. Эти ощущения, надо отметить, были не из приятных. Холодная вода в лицо, пинки, затрещины и матерные ругательства со стороны Бригадира. Эмоциональное и физическое опустошение. Голова раскалывается как с похмелья. Сил оторвать измученный организм от земли нет. Жутко хотелось спать, есть и, почему-то, материться. На свете есть много слов хороших и разных. Только хорошие в это утро на ум не приходили. Зато разные другие громко и отчетливо звучали со всех

сторон и в таких многослойных связках и сочетаниях, что даже видавшее виды седое эхо стыдливо забилося в многочисленные каменные норы. Однако, несмотря ни на что, порядок был восстановлен. Бригадир понятными всем терминами объяснил, что ночью потерялся Пиксель, что он его найти не смог, и поэтому сейчас все разобьются по тройкам и будут прочесывать местность в радиусе километра. Он раздал рации, определил сектора поиска. Паук предусмотрительно испарился. Куда он делся и, что самое удивительное, как ему удалось столь незаметно скрыться, оставалось загадкой. Впрочем, вокруг Паука за последнее время накопилось столько загадок, что такая мелочь как неожиданное, бесследное исчезновение, уже не вызывала серьезных эмоций. Паука проще было оставить в покое. Тем более, что Бригадир чувствовал, что с этой стороны угрозы нет. Внезапно вспомнились слова Паука, что для Санька мы все уже мертвы, а также о том, что Боецман тоже инфицирован. В животе снова зашевелился червь тревоги.

– Боецман, погоди. Я с тобой, – крикнул он и решительно зашагал к товарищам.

Как и предсказывал Паук, трехчасовые поиски ничего не дали. Пикселя нигде не было. Группа Крота обнаружила следы, похожие на следы Пикселя, но они вели вверх к пещерам. Да еще по такому маршруту, что там здоровый с трудом пролезет, а что пройдет Пиксель со сломанной ногой, да еще ночью, не могло быть и речи. Это полностью вписывалось в версию Паука, но рациональный мозг Бригадира не мог согласиться с таким взглядом на Мир, а потому отбрасывал ее как нереальную. Поиски решено было прекратить. Бригадир объявил общий сбор, совместив собрание с приемом пищи.

За столом царил напряженная тишина. Казалось, все сосредоточены на процессе помощи обществу путем тщательного пережевывания пищи в соответствии с призывом плакатов советского времени, развешанных по общественным столовым и кухням. Не было слышно ни привычных шуток, ни смеха, ни обычного ворчания Боецмана, ни подначек Крота, лишь громкое чавканье, хруст галет, металлический перестук ложек. На Бригадира все смотрели внимательно, собранно и как-то недружелюбно. От таких взглядов стало неудобно, как снайперу посередине поля.

– Парни, – начал Бригадир, собираясь с мыслями. – Происходят странные вещи. Не знаю, помните вы или нет, но вчера вы поиграли в зомби. Для начала передрались сами, потом пошли убивать Паука. Не убили. Дошли до его костра, поиграли немного в ходячих мертвецов, а потом дружно завалились спать. До палаток я вас дотащить не смог. Пришлось разместить на месте падения. Кстати, вы там и проснулись. Кто-нибудь из вас что-нибудь из вчерашнего вечера помнит?

Гробовое молчание явилось красноречивым ответом на поставленный вопрос. Бригадир обвел всех взглядом и продолжил:

– Понятно. Если кто что вспомнит, не примените рассказать мне. Очень интересно. Теперь о важном. Сегодня ночью пропал Санек и Пиксель. Если Санек мог уйти сам, он из Вас был самым активным, то Пиксель этого сделать не мог по причине сломанной ноги. Куда он делся, не ясно. Мы не нашли даже следов. Мне вся эта чертовщина не нравится. Поэтому я предлагаю сниматься немедленно. Сбросимся, потом вернемся за Пикселем и Саньком. На сборы полчаса. Ну, час. Забираем самое ценное. Все остальное и оружие оставляем здесь. Все ясно?

– Нет, не ясно, – возразил Боецман. – Времени совсем не дал. За сегодня только рассортируем, спрячем излишки и замаскируем как следует. А потом еще собраться надо. А это не меньше трех часов.

– Верно, – подал голос Глыба. – К чему спешка? Сбрасываться надо, не спору, но за сегодня не успеем. Мы даже безопасного места не нашли. Куда прятать-то? Да и находки еще отсортировать надо. Как разберешь, что ценное, а что нет. Половину еще отмыть надо.

– Да и Пикселя и Санька бросать не гоже, – поддакнул Жека. – Если их не нашли, – это еще не значит, что их надо бросить.

– Жека дело говорит, – вставил свои пять копеек Крот. – Без ребят уходить не гоже. Я тебя не узнаю, Бригадир, – ты раньше своих не бросал.

– А я и сейчас не бросаю, но ситуация критическая. Уходить надо, причем срочно. Со мной могут остаться еще один – два человека, остальные должны уходить. Немедленно. Я это знаю, чувствую. Поверьте мне. Я вас никогда не обманывал.

– Все бывает впервые, – философски заметил Боцман. – Ты раньше и подлости не предлагал. А ныне друга бросить призываешь. С крысятником снюхался. У него, небось, идейк нахватался? Может, ты тоже что-то ценное нашел, закрысил, а теперь по-быстрому свалить захотел?

– Боцман, ты что? У тебя глюк продолжается?

– Это вы похоже с Пауком курите что-то. Сказки нам тут про игру в зомби рассказываешь. Кстати, где этот крысятник? Я его с тобой с утра видел, а сейчас он пропал. Ты ему наверняка наш нож отдал. Он давно его домогался. Так Бригадир?

Бригадир молчал. Парни начали недобро переглядываться и перешептываться.

– Ну что молчишь? Покажи нож.

– Действительно, командир, покажи нож. Из-за него весь сыр-бор начался, – пробасил Глыба.

– Покажи, – присоединился Жека.

– Да что там, – агрессивно заявил Боцман. – И так видно, что они его присвоили. Давай, Бригадир, рассказывай, что еще заныкали и что задумали.

– Боцман, я на твои идиотские речи не поведусь. Парни, дело на самом деле серьезное. Нам всем грозит реальная опасность. Оставаться тут нельзя. Поверьте мне. Просто поверьте. Я никогда не обманывал.

– А сейчас врешь, – Боцман встал и медленно направился к Бригадиру.

– Прислушайтесь к себе, к своим ощущениям, – продолжал увещевать Бригадир. – Постарайтесь вспомнить вчерашний вечер. Тут нельзя больше задерживаться. Давайте так, я уйду налегке, через час. Те, кто мне еще верит, давайте со мной.

– Брось, мы на это фуфло не поведемся, – Боцман подошел вплотную. – Налегке, говоришь. Показывай, чего заныкал.

– Чего?!

– Выворачивай карманы говорю, – Боцман схватил Бригадира за рукав.

Бригадир крутнулся и отбросил Боцмана в сторону. Затем выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Парни повскакали с мест и замерли как встревоженные суслики.

– Я хотел по-хорошему. Все сейчас встанут и пойдут собирать монатки. Сбор через час. Прятаться и бежать не советую. Я найду и на аркане поволоку. А ты, Боцман, еще раз в мою сторону дунешь неосторожно, пристрелю как собаку. Ты меня знаешь, я воздух зря не сотрясаю.

Глава 9

Боцман стоял в пяти метрах от Бригадира и сверлил его ненавидящим взглядом. Во рту собралась горькая слюна вперемешку с дорожной пылью и кровью из разбитой губы. Бросок Бригадира застал его врасплох и вынудил пропахать пару метров каменистой почвы своей физиономией, слегка подпортив фасад. Не то, чтобы отставной моряк сильно беспокоился по поводу нескольких царапин на скуле и разбитой губы, просто было до крайности обидно. Второй день подряд его валяют по земле, как мешок для тренировок. Даже за противника не считают. Так отмахиваются, как от назойливой мухи, и швыряют мордой в грязь. Это не просто обида, это унижение. Рушится вся так долго и скрупулезно выстраиваемая им иерархическая система. Крушение этой системы означает крах коллектива как единого целого! Неужели Бригадир этого не понимает? Должен понимать. Как никто другой должен. И понимал, пока с Пауком не связался. Паук ему с самого начала не нравился. Слабак, тряпка, летит, как мотылек, на сильных людей, своего голоса нет, только визг. Мажор, одним словом. Он олицетворял все то, что так Боцману не нравилось в человеке: несобранный, неряшливый, суетливый, разбросанный, без какого-либо стержня, ориентиров и жизненных установок, он плыл по жизни, постоянно все меняя, во все вмешиваясь, ставя под сомнение даже незыблемые понятия. Боцман искренне не понимал, зачем он нужен в коллективе и поначалу издевался над ним вместе со всеми. Но потом он его понял и принял. Он, никто другой. Никто не сделал для Паука больше чем он. Именно он взял Паука под свою защиту и не дал парням заклевать пацана. Именно он терпеливо и планомерно учил его премудростям туристической жизни. Именно он помогал экипироваться, готовиться к каждой экспедиции. Да всего не перечить! Он стал Пауку как родной отец. А тут такая неблагодарность. Да еще унижил прилюдно, скотина. А Бригадир? Тоже мне друг называется. Вся экспедиция на Боцмане. Вся матчасть. Боцман достань, Боцман купи, Боцман обеспечь. А сам крысятника пригрел. На его сторону встал. Защищает. Не иначе как рассказал тот чего-то такое, но очень ценное. А, может, и достали уже. Теперь занюхать надо. Не даром, всех слить хочет. И друга своего лучшего кинуть. А ведь нет у него человека ближе и преданней чем Боцман. Не было. Это ведь он тогда ему жизнь спас. Ведь он его тогда в тундре не бросил. А он... Предатель.

Боцман не помнил, что с ним происходило вчера. От вчерашнего вечера остались лишь смутные тяжелые ощущения, как от отравления. На душе было гадко. А еще сохранилось воспоминание о нестерпимой боли, как будто перерезают пуповину. Нет, не перерезают, вырывают и бросают умирать под дождем на холодных камнях. Боцман не помнил, что это было, но почему-то прочно увязывал это с Пауком. Он помнит, как утром тот нагло ухмылялся прямо в лицо и нашептывал, что-то подленькое Бригадиру на ухо. Боцман не дурак. Он может сложить дважды два и понять, что не зря Бригадир сегодня увязался с ним на прочесывание местности. Не доверяет он больше Боцману, контролирует. А башка, кстати, в том месте, откуда, по его мнению, вырвали пуповину, перестала болеть только недавно, когда мимо пещеры проходили, следы Пикселя проверяли.

И вот сейчас Бригадир его, своего лучшего друга, опустил еще раз, прилюдно. Теперь стоит, пистолетиком размахивает. А все его слушаются. Нет, не будет по его. Боцман медленно отодвинулся и, пока Бригадир раздавал свои ценные указания, вытащил из колоды топор. Он подошел чуть поближе. Отсюда не промахнешься. Да и расстояние нужное. Изготовился для броска, но его прервал резкий окрик:

– Эй, полегче, морячок, – донеслось со стороны ближайшей палатки.

Возле нее стоял крепкий мужчина в военной полевой форме с «Глоком» (прим. «Глок» – марка пистолета) в правой руке. Рядом с ним стояли два гиганта с автоматами наперевес.

– Вольну брось. А ты топор. Молодцы... Теперь назад... Руки не опускай, не надо... Так, все сели на корточки, руки за головы. Вот так, молодцы. Сейчас мои ассистенты вам помогут избавиться от лишних вещей, например, оружия, а я пока объясню правила поведения.

Из-за палаток вышло еще трое крепких, хорошо вооруженных человека.

– Значит, вы решили покопаться на вверенной мне территории. Без спросу. Без разрешения. Нехорошо.

– Наша экспедиция согласована с Бариним и проходит под его контролем. Я могу ему позвонить, и вы с ним все обсудите, – произнес Бригадир.

– Да? А у меня другие сведения. Вот он говорит, что это не так.

Крепыш отошел в сторону и из-за его спины вышел нагло ухмыляющийся Санек.

– Санек, ты что? – удивленно спросил Бодман.

– Я ничего. А вот этот, – он указал на Бригадира. – С дружкой своим все обязательства нарушили. Потому и смутья предлагал. Где твое насекомое, Бригадир?

– Я не знаю, Санек, но он предупредил, что ты предатель, что ты нам всем смерть заготовил. Я не верил, дурак.

– Заткнись, тварь, – вскинулся Санек. – Где нож?!

– Успокойся, Александр, тут я спрашиваю, где что лежит, – он повернулся к Бригадиру. – Я так понимаю, ты тут смотрящий. Мы никого убивать не собираемся. Глупостей делать не будете, всех отпустим. Там с теми, с кем договаривались, сами объясняться будете. По своей земле бесплатно я никому не позволю шляться. Это даже Барин знает. А тебя, видимо, предупредить забыли. Вот незадача. Ну да ладно, я поправлю. Сам ты не местный, как я погляжу. Значит с тебя налог больше. К тому же экспедицию со мной не согласовал. За это штрафлагается.

Спец вальяжно прохаживался перед строем, лениво помахивая пистолетом. Он явно наслаждался моментом, своей ролью вершителя судеб. Купался во власти, пил ее осторожно, по чуть-чуть, маленькими глоточками, смакуя ее и одновременно распаяя себя все больше и больше. Бригадир с тревогой следил за бандитом. Он хорошо знал такой тип людей. Знал и боялся. Он не раз встречался с ними, особенно в военный период своей жизни. Война их манит, притягивает как магнит. Они прирожденные воины, бесстрашные и самоотверженные. Но в основе их смелости лежит презрение к человеческой личности, готовность не задумываясь убить любого, кто покусился на его собственность. А еще война дает возможность не думать, не мучиться, а следовать простым решениям и в конце получить приз величия и власти, полного, тотального контроля над ситуацией, над людьми. Позволяет хоть ненадолго ощутить себя полновластным хозяином положения, сильным и всемогущим, как Господь.

Бригадир понимал, что этот человек не ограничится одной пламенной речью, лишь вербальной демонстрацией силы. Он захочет большего. Такие люди всегда хотят большего. Он захочет унижить, наказать. Нет, не всех. Это не надо. Это даже вредно. Он выберет кого-нибудь одного и будет его мучить, так, чтобы кричал, просил пощады, унижался. И тогда он простит, отпустит, даже поможет, но только после полного признания его господином. Идеально на эту роль подходил сам Бригадир, ибо два медведя в одной берлоге все равно не уживутся. И это обязательно будет, но не сегодня. Сегодня он ему нужен.

– А теперь, господа, – продолжил бандит свое выступление. – Снимаем свои курточки, кладем перед собой и делаем два шага назад.

– Выполняем, без самодетельности, – тихо скомандовал Бригадир и первый снял куртку. Он прекрасно понимал опасность неподчинения. С такими людьми можно говорить только с позиции силы. Сейчас вся сила на той стороне, а значит, разговора не получится. Только расправа. А посему надо молчать и ждать, когда изменится расклад. А он изменится, – в этом Бригадир не сомневался. Сразу они стрелять не стали – это хороший знак. Значит, что-то хотят. Понять бы чего. Надо тянуть время. Но как? Бунтовать нельзя. Убьет сразу. С другой стороны

и скулить нельзя. Таких он тоже убьет. Только сначала помучает. Эти люди презирают слабых и не ценят их. Они уверены, что опираться можно только на то, что сопротивляется. Поэтому крайне важно обозначить границы, но таким образом, чтобы не оспаривать его лидерства. Значит надо подыграть. Но как это объяснить парням?

– Вы что, лохи позорные, вам уши заложило? Так я сейчас исправлю! – неожиданно перешел на крик главарь шайки и выстрелил над головами. – Я сказал, куртки на землю. Живо!

– Выполнять! – громко скомандовал Бригадир и бросил свою куртку.

– Ты скажи, командир, что тебе надо, – примирительно предложил Бригадир. – Может, без пальбы обойдемся.

– Застегни хлебобрезку. Параше слово не давали. Тявкать будешь, когда я разрешу.

– Как знаешь. Я думал, мы тут две недели уже, может подсказать чего.

– Молчать! – Бандит выстрелил в ноги Бригадиру. Пуля стукнулась о камень совсем рядом. Выбитый ею осколок больно подбил колено. – Куртки на пол. Три шага назад. Молодцы. Теперь брюки. Снимаем, и пять шагов назад.

– Ты че, мужик?! – неожиданно подал голос Боцман. – Брюки то на хрена?

– Боцман, снимай брюки, я прошу, – тихо прошипел Бригадир.

От звука его голоса на душе закипела злость.

– Да пошел ты, – громко огрызнулся Боцман. – Раскомандывался тут. Мужик, с брюками это перебор. Я голым задом на ветру свистеть не буду. Не по возрасту.

Он сделал шаг вперед и получил пулю в ногу. Боцман вскрикнул и тут же рухнул, схватившись за бедро. Между пальцев появилась кровь. Крот и Док бросились к раненому, но были быстро остановлены выстрелом под ноги.

– Я сказал, снимайте штаны и кидайте на пол, – хищно улыбаясь произнес бандит. – Следующему прострелю живот, чтобы кишки по камням собирал.

Он брезгливо глянул на Боцмана, скрючившегося от боли и пытающегося зажать сильно кровоточащую рану.

– Быстрее, я сказал. Мне начинает надоедать эта игра.

Бригадир смотрел на истекающего кровью друга. Из глубин груди начала подниматься тяжелая черная злость. Это не в Боцмана стреляли. Это его ранили. Боцман был не просто его человеком. Боцман был другом. Лучшим другом, несмотря на все разногласия и ссоры. В свое время он ему жизнь спас, вытащив из ледяных объятий тундры. Теперь, похоже, пришло время отдавать долги. Бригадир оскалился, начал медленно бледнеть, вгоняя себя в ярость, на лбу вздулись жилы. Он изготовился и прыгнул на врага, целясь в глотку. Но не преуспел. Главарь каким-то невероятно пластичным, кошачьим движением увернулся, а выдвинувшийся из-за его спины гориллообразный мордорот встретил прикладом в голову. В затылке отдало мгновенной болью, перед глазами вспыхнуло, поплыло, и Бригадир провалился в темноту.

– Унесите идиота, – разочарованно выдохнул Спец. – Не люблю самоубийц. Всю игру испортил.

Он немного постоял, наблюдая за тем, как оттаскивают тело Бригадира, и приказал Саньку:

– Ты собери все шмотки и тащи во туда.

Санек с энтузиазмом енота-поласкуна бросился выполнять поручение.

– Гном, Малыш, прошманайте робу. Все цацки на стол.

Два гиганта начали профессионально быстро и тщательно просматривать одежду, потроша карманы, прощупывая подкладки. На брезент посыпались фонари, ХИСы, складные ножи, жумары, кролли, спусковухи и карабины. Кроме всей этой спелеологической и туристической дряни, которой набиты карманы всякого уважающего себя спелеолога, на свет божий извлекли несколько старинных монет и два перстня.

– Неплохо, неплохо, – приговаривал старший уголовник, рассматривая находки. – Вещи старинные, цены немалой. Хороший коллектив. Крысятник на крысятнике. «Ты здесь хозяин, а не гость, тащи с завода каждый гвоздь», – процитировал он старую советскую присказку и противно заржал.

– Закончили, тренер, – подал голос гигант, откликающийся на кличку Малыш. – Чисто.

– Добро. Прошмонайте вон того, – старший махнул в сторону сидящего на земле Боцмана. – Будет брыкаться – пристрелите.

– Сделаем, тренер. Поработаем в партере. Чую на повороте баллов наберем.

Мерзко улыбаясь, гиганты подошли к Боцману.

– Вот тут, – Боцман указал в область левого накладного кармана. – В клапане. Только режьте аккуратно. Прошу.

– Сабмишн, – разочарованно произнес Малыш.

– Туше, – согласился Гном.

Ловким движением Гном вскрыл клапан, и оттуда выпало две старинные монеты.

– Ух ты, крыса в призерах! – воскликнул Малыш, демонстрируя добычу, и вдруг резко ударил Боцмана ногой в голову. Боцман опрокинулся на камни и потерял сознание.

– Зачем? – удивленно спросил Гном.

– Не люблю крыс, – пояснил Малыш. – Надо пояс прошманать. Наверняка еще что-то заныкал. Гном быстрыми, точными движениями прощупал брюки, немного задерживаясь на поясе и клапанах многочисленных карманов, потом могучим пинком перевернул тело на живот и повторил процедур обыска. Нащупал что-то на поясе, разрезал ткань и достал большой перстень из желтого металла с большим камнем и круглый костяной амулет с синими камнями. Повернувшись к напарнику произнес:

– Я в призах. С тебя котлета.

Немного подумал и добавил:

– Крепко ты его, Малыш. Зря. Еле дышит. Помрет не ровен час. Не спортивно.

– А мне пох..., – равнодушно бросил Малыш. – Тренер сказал, можно хоть с трупа снимать. Да ты не бзди, оклемается еще. Они, крысы, живучие, страсть. Сам знаешь. Пуля по касательной прошла, даже кость не задета. А от нокаута отойдет. Воздухом подышит и отойдет.

Мордovorоты неспешно повернулись и лениво зашагали на свои огневые позиции.

– Ну что, мальчики, – обратился главарь к сбившимся в кучу ежащимся от холода «искателям сокровищ». – Можете одеваться. Сидите здесь. Мы осмотрим лагерь, потом решим, что с вами делать. Рыпаться не советую. Мои бойцы нервные. Не любят. Из круга не выходить. Кто выскочит, словит пулю. Захотите в туалет, гадьте здесь. Санек, проводи в лагерь, покажешь, что там к чему.

Санек с готовностью засеменял за новым хозяином.

Бандиты в основной своей массе скрылись в палаточном лагере. Охранять осталось двое. Они разместились по разные стороны, грамотно перекрыв все возможные пути бегства. Перепуганные туристы сбились в кучу, зло и беспомощно поглядывая по сторонам.

– А ведь Бригадир был прав. Он хотел предупредить, – сказал в пустоту Крот. – А мы не слушали. Он всегда опасность нутром чуял.

– Согласен, – поддержал Глыба. – Мы на речи Боцмана повелись. Тогда это правильным казалось.

– Хорош ныть, – оборвал всех Док. – Все не так хреново. Шансы еще есть. Мы живы, значит, зачем-то нужны. Иначе бы постреляли всех и дело с концом.

– Ага, ты Боцману об этом скажи.

– Да, Боцмана прибили как муху. У всех на виду. Значит, ничего не боятся. Уверены, что не заявим, – уныло проворчал Макс. – Как говорил мой прапрадед Сулейман ибн Обстул-

задомБей, мир с ними с обоими, если свидетеля не боятся, значит его уже нет. Обыщут нас, заберут, что хотели, и в расход.

– Не бздеть в танке! Мы еще живы, и пока нас никто не убивает. Боцман не в счет. Это случайность. А потом с чего ты взял, что он мертв. В отключке – да. Но чтобы ударом убить, тут сильно постараться надо. Скорее всего, нокаут глубокий.

– Док верно говорит, – вступил в разговор Каа. – Лагерь им и Санек покажет и расскажет все. Значит для другого мы нужны. Скорее всего, сейчас допрашивать будут. По одному. Что видели, где лежит, где, что спрятали.

– А что это нам даст, кладезь прозорливости, лишь не надолго отвлечет погонщика похоронного верблюда.

– А я не тороплюсь. Пусть отвлекает, – раздраженно рявкнул Док. – Лучше заткнись. Времени нет, сопли разводить. Значит так. Крот и Глыба расскажете, что спрятали ценные монеты в дальней пещере. Остальные говорим, что монеты были. Сколько никто не знает. Но доставали их в основном Крот и Глыба. Макс, ты расскажешь, что достал старинную диадему и отдал Кроту, чтобы тот ее припрятал. Где припрятал, ты не знаешь. Все рассказываем, что два дня назад Крот и Глыба занимались расчисткой дальней пещеры.

Док внимательно посмотрел в глаза товарищам и продолжил:

– Это я говорю, для того чтобы они повели нас в дальнюю пещеру. Ни они, ни Санек ее не знают. Там вначале ход широкий, что не вызовет подозрений. А потом она сразу переходит в узкую и извилистую галерею. Мы ее еще не исследовали и не знаем, чем она заканчивается, но сразу за поворотом, где развилка, очень удобное место для побега. По моей команде Крот, Макс, Каа и Глыба бегут в правый ход. Остальные в левый. Через пятьдесят метров они сходятся. Там точка сбора. За нами, скорее всего, вряд ли пойдут. Завалят вход и все. А мы пару дней переждем и либо разберем завал, либо найдем новый выход.

– Либо сдохнем, как в мышеловке, – буркнул Макс.

– Есть идеи получше? Тогда говори. Не тереби меня за тестис. А нет, что сопли жевать? Там по стене вода бежит. Значит ручей рядом. А значит и выход, скорее всего, есть. Мы просто дальше не пошли. Паук сбил.

– Я согласен с Доком, – произнес Каа. – Мы там с Пикселем были. Пиксель говорил, что там ход направо поворачивает, откуда тянет холодом и влагой. Значит рядом река. Тогда без оборудования не полезли.

– А стрелкам в пещере не развернуться, – вступил Глыба. – Пока сообразят мы уже в лазах. Толково придумано, Док.

– Это если они нас всех в пещеру поволокут, а не только Глыбу и Крота.

– В пещере трупы прятать проще, – оптимистично заявил Док. – Просто завалил и самим таскать не надо. К тому же там вход широкий. Выглядит безопасным. А сразу за поворотом реально темно. Из-за перепада вообще ничего не видно. Пока глаза к свету привыкнут, мы смоемся.

– Ладно, шайтан с вами. Закрою сундук своего разума на замок надежды. Только как заставить их туда нас повести, да покарает Аллах их икотой?

– Для этого говорим, что я сказал. Остальные говорят правду. Не врать, не злить, в глаза не смотреть. Могут бить, но врать только в рамках легенды.

Бригадир очнулся у медицинской палатки. Он лежал на небрежно брошенном коврик из полиуритана. Под голову была подсунута его куртка. Его еще мутило, перед глазами плыли коричневые круги, в голове стоял звон, как в пустом колоколе. Он слегка размежил веки и, стараясь не привлекать внимания, осмотрелся. Непосредственно около него охраны не было. Чуть в стороне сидел один бандит и перебирал аптечку. «Где ребята? Что с Боцманом? Почему Санек с ними? Что делать?» Мысли заматались как муравьи в дождь. Его не убили, а приво-

локли сюда. И не просто приволокли и бросили, а положили. Бережно. Значит, что-то хотят. Чего? Где ребята? Их держат отдельно? Зачем? Что с Бощманом? Ему помощь оказали? Где Паук? Его нашли? Это вряд ли. Тогда где он? Сбежал? Прежний Паук может быть и сбежал бы, а скорее всего затаился бы где-нибудь и никаких действий бы не предпринимал, а если и предпринял, то что-нибудь дурацкое, находящиеся за гранью логики. Например, обвал мог устроить или попытаться завалить всех в пещере. Много шума, море крови, героизм и абсолютно никакого толка. Идеальная, на его взгляд, спасательная операция. А новый Паук, или как его там, Рахман, так не поступит. Он не сбежит от страха. Ему не свойственно малодушие. Он далеко не трус, способен мыслить рационально и, если убрать из его башки весь мистический мусор, то получится очень толковый, выдержанный, находчивый товарищ с достойным набором лидерских качеств. Сложность в том, что в этот список входят такие качества, как полное безразличие к мнению окружающих, цинизм, патологический эгоизм и наплевательское отношение к интересам, здоровью и даже жизни товарищей. Вместе с тем подлость среди его характеристик отсутствовала. Он утверждал, что он воин. А воины своих не бросают. Значит, остается надежда, что он вернется. Как бы с ним согласовать планы, дать ему знак. Ну, с Пауком более или менее ясно. Кто еще? Санек? Нет. От него помощи не жди, он под контролем. Под контролем... Это слово как-то застряло в голове. Бригадир повторил его про себя еще несколько раз. Неожиданная догадка стеганула душу. Вот что имел ввиду Паук, когда говорил, что для Санька мы все уже мертвы. Вот почему он всячески затягивал экспедицию. Вот почему его папаша так легко согласился дать деньги. Все было отработано заранее. Мы находим, он сообщает, бандиты приходят и зачищают. Вот почему он так рвался бороться с крысятничеством. Он просто охранял свое. Вот откуда ноги растут в борьбе за ценный нож. Хорошо, что он сейчас у Паука. Эх, зря я помешал тогда Пауку Санька шлепнуть. Он нас всех уже приговорил. Так всё же, кто под чьим контролем находится? Бандит контролирует Санька, или наоборот? Этот уголовник не выглядит типом, которым может руководить Санек. Скорее он пристукнет Санька, а потом все свалит на нас. И Санек это не может не понимать. Но все же лезет. Почему? Может, его контролирует третья сторона, о которой Паук говорил? Если так, то что? То он будет стремиться нас всех прибить как можно быстрее. Это противоречит планам бандитов? Скорее нет, чем да. Тогда надо валить. Чем быстрее, тем лучше. Тут не побежишь. Все простреливается. Бежать надо в пещерах, там не развернешься. Если бежать всем, то всех надо в дальнюю вести. Там ход раздваивается и ландшафт удобный. Теперь надо понять, как заставить Санька и бандюгов в дальнюю пещеру пойти.

Глава 10

Тропинка круто сбегала вниз по склону. С обеих сторон над ней нависали камни, обросшие разноцветным лишайником, между камнями торчали пучки пересохшей травы. Хорошо вооруженные люди уверенно двигались по направлению к разноцветным палаткам, яркими большими грибами, разбросанными среди нагромождения камней и чахлах деревьев. У огромного черного валуна, на котором были выбиты, а потом раскрашены желтой краской какие-то символы, тропа делала резкий поворот. Возглавляющий шествие человек остановился и принялся внимательно разглядывать непонятные рисунки.

– Это все вы сотворили? – спросил он.

– Да как сказать, – Санек забежал чуть вперед и как бы кричал снизу. – Что-то там было, а что-то Паук наковырял. Ничего интересного. Он в пещере, где мы были, башкой стукнулся. С тех пор на мистике заклинило.

– Красиво и монументально, – сказал Спец и приложил руку к шершавой поверхности камня. – Даже чувствуется сила, странная энергия. Вроде как к истории прикоснулся. Да и камень почему-то холодный, хотя солнце уже высоко. И впрямь мистика.

Он с трудом заставил себя оторвать руку от валуна. От него исходило странное тепло. Камень манил, притягивал. Казалось, что он что-то шепчет, что-то хочет сказать, о чем-то предупредить, и одновременно успокаивал,

Спец повернулся, подошел к Саньку и пристально посмотрел ему в глаза:

– Тебе не жалко их, Саша? Все-таки друзья...

– Какие они мне друзья, – зло огрызнулся тот. – Крысятники да жмоты. Почитай каждый день лаялись. Видишь, даже нос сломали.

Он показал на два характерных синяка под глазами.

– А вчера Паук чуть не зарезал. Жаль, что сбежал, сука.

Глаза его резко потемнели, скулы напряглись, под натянутой кожей забегали желваки.

– Кстати, у Паука, похоже, ценный нож. Старинный. Ему вчера Бригадир отдал. Теперь он сбежал. Еще утром был, потом сбежал. Мог все видеть. Его найти надо. Папа не простит.

– Попредержи коней, фраер, – грубо прервал Санька Спец. – Кого искать и как решаю я. Уяснил? Твой папаша далеко, он тебе здесь не помощник. Тут без моего приказа ты даже дышать не смеешь. Еще раз услышу что-то подобное, пушу в расход с остальными. Я уж как-нибудь сумею рассказать о твоей трагической кончине.

– Тебе папа голову отвинтит. Медленно, – уже не так уверенно произнес Санек.

Бандит сделал два шага навстречу, Санек попятился, споткнулся о камень, покачнулся, неловко взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, и уже начал заваливаться назад, как сильная рука схватила за ворот, свернула ткань, сдавила горло.

– Повторяю для одноклеточных, твой папаша далеко, я тут. Тебе меня бояться надо, – не ослабляя хватки, прошипел Спец прямо в лицо. – С папашей твоим базарить я буду. Что будет потом, мы разберемся, не впервой. А вот тебе все равно уже будет. Так что заткни дупло и труби только по делу. Усек?

– Усек, усек, отпусти только, – прохрипел он. – Дядя Гена, ты ж меня еще мальцом знал. Отпусти. Я больше не буду.

Спец одним рывком поставил туриста на тропу.

– Живи пока, – произнес бандит. – Так что ты там про Паука базарил?

– Паук – это ботан один. Он идейным вдохновителем экспедиции был. Он, собственно, и пещеру нашел. Туда полез, да упал и головой стукнулся. Там он нож нашел, старинный, с большим камнем. Судя по всему, очень ценный. Паук просто бредил этим ножом, а он в реликвиях хорошо понимает. Так вот, вчера здесь заваруха была. Все передрались. Бригадир

Пауку нож отдал. Потом Паук сбежал, но утром вернулся. Его все видели. А сегодня, пока Пикселя искали, Паук опять удрал. Думаю, что он где-то зашкерился. Один вниз не пойдет, не боец он. Сейчас где-нибудь поблизости сидит, наблюдает.

– А что за Пиксель такой? Нашли его?

– Нет, не нашли. Но тут нечего волноваться. Погиб он скорее всего. У него нога сломана была. Он ночью, видимо, погулять решил, ну и свалился в расщелину какую-нибудь. С этой стороны угрозы нет.

– Вот так-то лучше. По существу и без соплей, – Спец обратился к идущему сзади худому парню с противной рожей и постоянно бегающими глазками. – Возьми Бая, найди ботана, но не убивай. Он должен, сперва, про нож рассказать.

– Все расскажет, командир, можешь не сомневаться.

– Ну что, Саш, пошли. Покажешь, куда твои добычу спрятали. Нам до вечера управиться надо.

Глава 11

Солнце припекало все жарче. Над серыми вершинами плыли кудрявые облака. Их нечеткие тени скользили по склонам и растворялись среди теней долины. Метрах в двухстах выше лагеря едва заметная тропа делала резкий поворот, уводя идущих по ней по крутому каменистому карнизу, и поросшую густыми низкими кустами, скрывающими пустоту, в которую легко можно было бы сорваться, сделав один неверный или, даже, неосторожный шаг. Густые тени лежали на земле, а подлая трещина на крутом склоне была больше похожа на тайный ход, ведущий в самую преисподнюю. У этой трещины, приложившись спиной к шершавому валуну, сидел Паук и сосредоточенно вырезал на левой стороне груди какие-то символы. Из-под земли тянуло запахом холодного влажного камня и старого мха. Внутри было тихо. Ни шороха, ни звука, ни зловещего перешептывания. Густая тьма угрюмо таранилась из провала, но Паук не ощущал опасности, скорее напряжение, отдаленную угрозу и насмешливое любопытство.

«Уходи», – как бы говорила Тьма. – «Уходи. Ты еще можешь. Я тебя не трону. Пока. Ну а меня ждет обильный ужин, а потом, завтра, ты уже не справишься. И тогда я заберу тебя в рабство. Насовсем. В этот раз не уйдешь.»

Душа Коли Паукова, настоящего Коли, трепетала от страха и умоляла нового хозяина тела последовать этому мудрому совету, бросить всех и бежать, бежать, бежать. Прочь от этой жуткой могильной пустоты, боли и страданий. От страха и безысходности он решил атаковать самозванца, предательски захватившего его тело. Отчаяние придало сил, и душа Паука бросилась на своего обидчика, называвшего себя Рахманом – Хранителем. Ярости, питаемой страхом и ненавистью, хватило на то, чтобы сорвать цепи рунного заклятия, наспех нарисованного на теле, и вцепиться в проникшую в его тело сущность, терзать, рвать ее на части. Но дальше дело застопорилось. Гость, несмотря на чудовищную усталость (ночная битва отняла у него много сил), сохранил бдительность. Ненависть, злость и отчаяние схлестнулись с железной волей, холодным рассудком и уверенностью в своих силах. Борьба была яростной, но непродолжительной. Нападение было отбито, бунт подавлен. Душа Коли Паукова загнана обратно, где и пребывала, съезжившись от бессилия, а Рахман со спокойной обстоятельной деловитостью опытного тюремщика обновлял запоры этой невидимой темницы, вырезая очередной рунный символ у себя на груди, прочно запечатывая трясущуюся душу Паука, все прочнее сковывая ее тяжелыми цепями древнего заклятия. Сначала он аккуратно и очень тщательно, стараясь не пропустить ни малейшей детали, нанес контуры будущего рисунка. Не резал, накалывал. А уже потом соединил проколы глубокими надрезами. Получалось неважно. Нож был слишком велик и недостаточно остр для такой тонкой работы. К тому же кровь, обильно сочившаяся из порезов и проколов, не позволяла осмотреть сразу весь рисунок и оценить результат в комплексе. Предварительные итоги удовлетворения не приносили, но он очень старался. Вытирал кровь обрывком майки, высматривал несостыковки, опять накалывал, поливал рану водой из фляги, резал, опять втирал, снова резал, пока рисунок не приобрел целостность и завершенность. Оглядев свое творение. Рахман неопределенно хмыкнул, вылил на грудь остатки воды, крепко прижал рану тряпкой и осторожно двинулся вдоль склона к верхней пещере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.